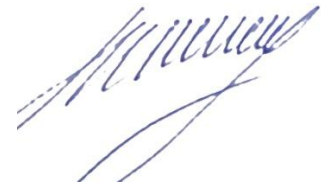

На правах рукописи

Иванов Никита Витальевич

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ**

Специальность 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Казань – 2026

Диссертация выполнена на кафедре предпринимательского и энергетического права юридического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный консультант: **Сергеев Александр Петрович,**
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Юридического факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал)

Официальные оппоненты: **Новоселова Людмила Александровна,**
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеллектуальных прав ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Городов Олег Александрович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Громова Елизавета Александровна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»**

Защита состоится 15 мая 2026 г. в 10.00 часов на заседании Диссертационного совета КФУ.051.2 при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского КФУ по адресу: г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35. Сведения о защите, автореферат и диссертация размещены на официальных сайтах ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ (<https://vak.minobrnauki.gov.ru>) и Казанского (Приволжского) федерального университета (<https://kpfu.ru>).

Отзывы на автореферат в двух экземплярах, заверенных печатью организации, просим направлять по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, КФУ, служба аттестации научных кадров. Факс: (843) 238 76 01.

Автореферат разослан «__» _____ 2026 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

Ю.Н. Авдоница

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена значением института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав для современного общества, его экономического развития. Содержание данного института во многом предопределяет уровень осуществимости и защищенности прав авторов результатов интеллектуальной деятельности, их правопреемников, иных правообладателей. От того, как функционирует механизм гражданско-правовой ответственности, каким образом толкуются и применяются соответствующие нормы, зависит действенность, эффективность права интеллектуальной собственности, регулирующего отношения по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Стремительное развитие цифровых технологий значительно упростило доступ к многочисленным произведениям, объектам смежных прав, товарным знакам и другим охраняемым объектам интеллектуальных прав, многократно увеличило масштабы их копирования и иного использования. Во многих случаях данные действия совершаются без учета имущественных интересов авторов и иных правообладателей, с нарушением их прав, что вступает в явное противоречие с базовыми положениями гражданского права. Уязвимость исключительных прав, обусловленная, прежде всего, нематериальным характером соответствующих объектов, свидетельствует о важности института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, необходимости его развития. Как отмечается в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. №208, совершенствование правовых механизмов защиты интеллектуальной собственности является одной из задач государственной политики в сфере экономической безопасности.

Актуальность исследования института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав также может быть раскрыта через социально-экономический, правотворческий и правоприменительный аспекты.

Социально-экономический аспект. Содержательное наполнение института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав имеет важные социально-экономические последствия. С одной стороны, отрицание специфики данного института, которая предопределяется особенностями объектов интеллектуальной собственности и отношений по их использованию, буквальное распространение на данные отношения общих положений гражданско-правовой ответственности может приводить к росту нарушений исключительных прав, что, в свою очередь, негативным образом скажется

на творческой активности авторов, состоянии рынка информационных технологий, инвестиционном климате. С другой стороны, внедрение излишне жестких механизмов гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, которые в целом не свойственны данному виду юридической ответственности, в условиях цифровизации экономики может негативным образом отразиться на различных сферах экономической деятельности, субъекты которой оказываются вовлеченными в использование объектов чужих интеллектуальных прав. В связи с этим в современных условиях необходима выработка правовых подходов к гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, учитывающих разнонаправленные интересы правообладателей и пользователей объектов интеллектуальной собственности.

Правотворческий аспект. Вступившая в силу 01 января 2008 года часть четвертая Гражданского кодекса РФ (далее – ГК) содержит нормы о гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав на общем (глава 69) и специальном (главы 70 – 76) уровнях. Динамичное развитие правоприменительной практики по делам о привлечении нарушителей исключительных прав к гражданско-правовой ответственности способствовало выявлению ряда пробелов и противоречий в действующем правовом регулировании. При этом нормы части четвертой ГК об ответственности за нарушения исключительных прав в течение длительного периода времени не обновлялись. Ряд законопроектов, которые были разработаны в последние годы, в том числе в развитие резонансных постановлений Конституционного Суда РФ, впоследствии были отклонены либо находятся на длительном рассмотрении.

Федеральный закон «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 07 июля 2025 г. №214-ФЗ (далее – Закон №214-ФЗ) содержит новеллы, нацеленные на решение некоторых актуальных проблем института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав. Однако содержащиеся в данном законе новеллы носят точечный характер, что оставляет значительный простор для разработки дальнейших изменений действующего правового регулирования.

Подробное и системное исследование особенностей гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав способно оказать положительное воздействие на реформирование соответствующих положений части четвертой ГК.

Правоприменительный аспект. В современной судебной практике значительное место занимают споры о защите нарушенных исключительных прав, в рамках которых правообладатели требуют от нарушителей выплаты компенсации за несанкционированное

(бездоговорное) использование объектов интеллектуальной собственности. Именно по поводу гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права – центрального имущественного интеллектуального права, содержание которого состоит в монопольной возможности лица использовать объект данного права и распоряжаться им по своему усмотрению, на практике возникает множество правовых вопросов, многие из которых требуют решения на доктринальном уровне. В последние годы вопросы гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права неоднократно оказывались в центре внимания Конституционного Суда РФ¹.

Согласно данным официальной статистики Суд по интеллектуальным правам в 2014 году – в первый полный год своей работы – в кассационном порядке рассмотрел 266 дел по искам правообладателей о применении мер гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав². Спустя пять лет - в 2019 году количество таких дел составило 331³, а по прошествии еще пяти лет - в 2024 году - увеличилось до 1291.⁴ При этом статистика рассмотрения дел о привлечении нарушителей исключительных прав к административной ответственности демонстрирует иную тенденцию. Если в 2014 году Суд по интеллектуальным правам в кассационном порядке пересмотрел 119 дел⁵, то в 2024 году таких дел было рассмотрено всего 42⁶.

Приведенные данные свидетельствуют о практической значимости института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, его востребованности среди современных правообладателей.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. №28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края», Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. №8-П «По делу о проверки конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Общества с ограниченной ответственностью «ПАГ», Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июля 2020 г. №40-П «По делу о проверки конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом пятнадцатого арбитражного апелляционного суда», Постановлении №57-П от 14 декабря 2023 г. «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам».

² Отчет о работе Суда по интеллектуальным правам (кассационная инстанция) за 2014 год. URL: https://ipc.arbitr.ru/storage/sites/ipc/files/288/statistika/otchet_kass_2014.pdf

³ Отчет о работе Суда по интеллектуальным правам (кассационная инстанция) за 2019 год. URL: https://ipc.arbitr.ru/storage/sites/ipc/files/288/statistika/otchet_kass_2019.pdf

⁴ Отчет о работе Суда по интеллектуальным правам (кассационная инстанция) за 2024 год. URL: https://ipc.arbitr.ru/storage/sites/ipc/files/288/statistika/Kass_2024.pdf

⁵ Отчет о работе Суда по интеллектуальным правам (кассационная инстанция) за 2014 год. URL: https://ipc.arbitr.ru/storage/sites/ipc/files/288/statistika/otchet_kass_2014.pdf

⁶ Отчет о работе Суда по интеллектуальным правам (кассационная инстанция) за 2024 год. URL: https://ipc.arbitr.ru/storage/sites/ipc/files/288/statistika/Kass_2024.pdf

Разработка правовых подходов в отношении ключевых аспектов гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав может оказать положительное воздействие на развитие правоприменительной практики, способствовать ее единообразию и предсказуемости.

Степень научной разработанности темы исследования. В современной отечественной научной литературе можно обнаружить значительное количество публикаций по отдельным аспектам гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав. Такие исследования проводились, в том числе, А.С.Ворожеевич, И.А.Близнецом, В.Л.Вольфсоном, Э.П.Гавриловым, Г.А.Гаджиевым, О.А.Городовым, Э.А.Евстигнеевым, В.О.Калятиным, М.А.Кольздорф, В.А.Корнеевым, Р.Б.Лукьяновым, А.Ф.Музыкой, Л.А.Новоселовой, Е.А.Павловой, М.В.Радецкой, О.А.Рузаковой, А.П.Сергеевым, Р.И.Ситдиковой, В.В.Старженецким, А.Е.Туркиной. В то же время монографические работы, в которых бы комплексно исследовался институт гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, отсутствуют. В центре внимания исследователей оказываются, как правило, вопросы взыскания компенсации за нарушение исключительного права как наиболее востребованного на практике способа гражданско-правовой защиты или отдельные аспекты гражданско-правовой ответственности информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав. При этом целому ряду смежных вопросов института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права - об условиях наступления гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, об определении количества нарушений исключительного права при одновременном использовании нескольких охраняемых объектов или использовании одного объекта посредством совершения нескольких взаимосвязанных действий, о возмещении убытков как мере гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, об ответственности за совместное нарушение исключительного права, об ответственности за нарушение исключительного права, обремененного правом из лицензионного договора, а также некоторым другим не уделяется достаточного внимания.

В 2013 году З.И.Хазиковой была защищена кандидатская диссертация на тему «Гражданско-правовая ответственность за нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной и средства индивидуализации». Содержание данной работы значительно шире ее названия, поскольку в ней рассматривались вопросы гражданско-правовой ответственности за нарушение всех видов интеллектуальных прав, не только исключительных. Многие актуальные проблемы института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, которые предопределяются спецификой данного права, в указанной

работе не исследовались. Кроме того, за прошедший с момента проведения данного исследования период институт гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав получил значительное развитие – были внесены изменения в часть четвертую Гражданского кодекса РФ, Конституционным Судом РФ были даны разъяснения и высказаны правовые позиции по вопросам применения мер гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, появилась обширная практика Суда по интеллектуальным правам.

Обращение к иностранной научной литературе также показывает, что предметом исследований выступают, как правило, некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав. В центре внимания исследователей оказываются отдельные меры гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, а также некоторые аспекты ответственности информационных посредников (работы A.Bracha, J.De Briyn, J.C.Donohue, J.Gardner, P.Hill, M.A.Lemley, P.Mezei, P.Samuelson, T.Syed, J.Wang, T.Wheatland, R.Youngs и др.).

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с использованием охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации без согласия правообладателя, когда в силу действующего правового регулирования получение такого согласия является необходимым.

Предметом исследования выступают нормы международных договоров, российского и зарубежного законодательства об интеллектуальной собственности, доктринальные источники, правоприменительная практика, материалы законопроектов.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в разработке модели института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, способствующей поддержанию справедливого баланса интересов правообладателей и пользователей, соответствующей базовым положениям института гражданско-правовой ответственности и при этом учитывающей особенности объектов интеллектуальной собственности и отношений по их использованию.

Для достижения цели исследования потребовалось решить следующие основные задачи:

- определить признаки гражданско-правовой ответственности как вида юридической ответственности и выявить особенности института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права;

- исследовать условия наступления гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права и выявить особенности соответствующего состава гражданского правонарушения;

- проанализировать существующие и возможные подходы к определению количества нарушений исключительного права при неправомерном использовании охраняемого объекта интеллектуальной собственности посредством совершения нескольких взаимосвязанных действий и выработать наиболее оптимальный подход к решению данной проблемы;

- выявить особенности применения возмещения убытков как меры гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права и сформулировать возможные подходы к определению их размера с учетом, в том числе, характера деятельности, осуществляемой самим правообладателем;

- раскрыть правовую природу компенсации за нарушение исключительного права;

- установить критерии определения размера компенсации за нарушение исключительного права в твердом размере, в размере кратной стоимости права использования и в размере кратной стоимости контрафактных товаров (экземпляров);

- определить понятие и признаки совместного нарушения исключительного права как основания для привлечения нарушителей к солидарной ответственности;

- выявить условия наступления гражданско-правовой ответственности информационного посредника за нарушение исключительного права и определить соотношение его ответственности с ответственностью непосредственного пользователя охраняемого объекта;

- определить соотношение ответственности лица, нарушающего исключительное право, перед правообладателем и перед исключительным лицензиатом применительно к ситуациям, когда нарушенное исключительное право обременено правом использования, возникшим из договора исключительной лицензии;

- выявить особенности ответственности за нарушение исключительного права, переданного в доверительное и коллективное управление;

- установить особенности ответственности за нарушение исключительного права, совершенное в результате предоставления лицензиатом sublicензий третьим лицам без согласия правообладателя.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы научного познания - диалектический, системного анализа, функциональный, формально-логические (анализ, синтез, дедукция, индукция), а также специальные методы научного познания – формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой.

Диалектический метод позволил провести полноценное исследование института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав с использованием широкого круга доктринальных, нормативных и практических источников, что способствовало формированию наиболее целостного представления о данном правовом институте и получению нового знания, в том числе в виде разработанной модели гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав.

Применение метода системного анализа способствовало выявлению взаимосвязей между отдельными элементами гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, в частности, между ее целями, мерами (формами) и объемом.

Функциональный метод был применен при исследовании целей, функциональной направленности гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав с учетом особенностей объектов интеллектуальной собственности и общественных отношений, возникающих по поводу их использования.

Формально-логические методы были применены при анализе правоприменительной практики по вопросам определения количества нарушений исключительных прав при множественности действий нарушителей, определения размера ответственности за нарушение исключительных прав.

Формально-юридический метод позволил раскрыть содержание действующих правовых норм, предусматривающих гражданско-правовые последствия нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, в их системной взаимосвязи, а также определить содержание базовых юридических понятий в области гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, выявить правовую природу мер данной ответственности.

Применение историко-правового метода позволило проследить действие института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав во времени, с учетом изменений, которые происходили в законодательстве об интеллектуальной собственности, практике его применения.

Сравнительно-правовой метод был использован при анализе норм иностранного законодательства об интеллектуальной собственности на предмет условий, мер, объема гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, которые характерны для зарубежных правопорядков.

Теоретической основой исследования стали труды отечественных ученых: А.И.Абдуллина, М.М.Агаркова, С.С.Алексеева, К.М.Арсланова, В.В.Байбака, И.А.Близнеца, М.И.Брагинского, С.Н.Братуся, Е.В.Вавилина, Д.Х.Валеева, В.В.Витрянского, А.С.Ворожевич, Э.П.Гаврилова, Г.А.Гаджиева, А.К.Губаевой, О.А.Городова, А.А.Громова, В.А.Дозорцева, О.С. Иоффе, В.О.Калятина, А.Г.Карапетова, В.А.Корнеева, О.А.Кузнецовой, Д.А.Липинского, А.Л.Маковского, А.Г.Матвеева, А.В.Михайлова, Л.А.Новоселовой, Е.А.Павловой, И.А.Покровского, М.А.Рожковой, О.А.Рузаковой, А.И.Савельева, А.П.Сергеева, Р.И.Ситдиковой, А.А.Собчака, В.Т.Смирнова, В.В.Старженецкого, Д.О.Тузова, М.А.Федотова, А.С.Шевченко, Г.Н.Шевченко, Г.Ф.Шершеневича, Н.В.Щербак и др.

В работе также учтены результаты исследований зарубежных авторов: A.Adeyemi, I.E.Alba, C.J.Angelopoulos, A.Botterell, A.Bracha, J.De Briyn, G.Colangelo, T.F.Cotter, J.C.Donohue, L.Edwards, R.Elings, J.Gardner, S.Gelin, P.Hill, Z.Krokida, M.A.Lemley, B.J.Love, M.Maggiolina, P.Mezei, Sannu K. Shressa, P.Samuelsan, B.C.Seaman, T.Syed, J.Wang, E.J.Weinrib, T.Wheatland, R.Youngs и др.

Эмпирической основой исследования являются международные договоры, российские и зарубежные нормативно-правовые акты, материалы правоприменительной практики, проекты федеральных законов.

Научная новизна исследования заключается в решении научной задачи разработки модели института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, которая основывается на содержательной взаимосвязи его основных элементов – целей данной ответственности, ее условий, объема, форм и критериев определения количества совершенных нарушений. Наполнение указанных элементов предлагаемым в работе содержанием будет способствовать созданию сбалансированного института гражданско-правовой ответственности, в результате применения которого имущественная сфера правообладателя будет восстановлена, у лица, неправомерно использовавшего охраняемый объект, не будет стимула совершать новые аналогичные нарушения, и при этом он не будет привлечен к явно несоразмерной имущественной ответственности. Данная модель может быть эффективно реализована в правовой системе Российской Федерации.

Основные выводы, показывающие научную новизну исследования, отражены в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Специфика объективной формы выражения результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, их способность к многократному копированию и иному использованию определяют особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права - ее функциональную направленность и объем.

Доказано, что цель превенции, недопущения новых аналогичных нарушений исключительных прав не должна превалировать над базовой - восстановительной целью гражданско-правовой ответственности. При определении объема гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права следует основываться на сочетании восстановительной цели как доминирующей и превентивной цели как дополнительной. Понимание и последовательное применение гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права как ответственности восстановительной с умеренно штрафным началом исключит возникновение ситуаций, при которых нарушитель привлекается к несоразмерно строгой имущественной ответственности или, напротив, к ответственности в размере меньшем, чем стоимость правомерного использования соответствующего объекта интеллектуальной собственности.

2. Для наступления гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права необходим полный состав гражданского правонарушения. Распространенный в отечественной юридической литературе подход, в соответствии с которым состав нарушения исключительного права является усеченным, представляется ошибочным. Закон освобождает правообладателя, предъявившего требование о взыскании компенсации за нарушение исключительного права как альтернативы требованию о возмещении убытков, от обязанности доказывать размер причиненных ему убытков. Однако данное правило не отменяет необходимости установления факта возникновения убытков у правообладателя при привлечении нарушителя к ответственности. Отсутствие у правообладателя убытков должно исключать наступление гражданско-правовой ответственности, поскольку в таком случае нет необходимости в достижении ее основной цели - восстановлении имущественного положения потерпевшего. При этом правообладатель не лишен возможности воспользоваться иными способами защиты, не являющимися мерами гражданско-правовой ответственности.

3. В связи со сложностью доказывания убытков, возникающих вследствие нарушения исключительного права, наличие убытков от нарушения исключительного права, равно как и существование юридически значимой причинно-следственной связи между действиями лица,

неправомерно использовавшего объект интеллектуальных прав, и убытками правообладателя следует презюмировать. При рассмотрении судом иска правообладателя о возмещении убытков или взыскании компенсации нарушитель вправе заявить об отсутствии у правообладателя убытков и представить соответствующее обоснование или доказать возникновение у правообладателя убытков по иной причине. Признаком отсутствия у правообладателя убытков может выступать, например, неиспользование объекта, его невостребованность на рынке. Критериями установления иной причины возникновения убытков правообладателя могут выступать сходства и различия между товарами, работами или услугами правообладателя и нарушителя – их качество, цена, территория и каналы реализации, наличие на рынке других аналогичных товаров, работ или услуг, способность правообладателя или его контрагентов удовлетворить спрос на товары, работы или услуги данного вида.

4. Гражданско-правовая ответственность за нарушение исключительного права, совершенное лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, равно как и ответственность иных лиц за данное нарушение должна наступать на началах вины, наличие которой презюмируется. Действующее на данный момент правило об ответственности предпринимателей за нарушение исключительного права независимо от вины не соответствует как отечественным, так и зарубежным традициям правового регулирования в данной сфере. Внедоговорный характер нарушения исключительного права в сочетании с фактором бесчисленного множества охраняемых объектов интеллектуальной собственности во многом сводит на нет возможность предпринимателя управлять риском совершения данного нарушения, в связи с чем привлечение его к ответственности на началах риска представляется нецелесообразным и несправедливым.

При этом взыскание в пользу правообладателя полученной в результате совершенного нарушения прибыли может осуществляться и при отсутствии вины нарушителя независимо от его статуса и характера осуществляемой деятельности, поскольку данное требование по своему содержанию является кондикционным и к мерам гражданско-правовой ответственности не относится.

5. Следует скорректировать сложившийся в правоприменительной практике подход к квалификации действий нарушителя исключительного права по использованию охраняемого объекта несколькими взаимосвязанными способами. Самостоятельным нарушением исключительного права следует признавать использование объекта интеллектуальной собственности не каждым из способов, а лишь теми, которые способны порождать экономические последствия в виде дохода или убытков правообладателя («основные» способы использования). Широко применяемое на практике правило об одной экономической цели,

объединяющее несколько совершенных лицом неправомерных действий разного вида в одно нарушение, должно быть распространено лишь на «вспомогательные» способы использования, которые сами по себе указанного экономического эффекта не порождают.

6. При предъявлении правообладателем требования о возмещении причиненных нарушением исключительного права убытков применяемое в судебной практике правило «одна единица контрафакта вытесняет одну единицу оригинала» следует рассматривать в качестве общего. Данное правило не должно применяться, если продукция правообладателя и нарушителя не является взаимозаменяемой (существенная разница в цене товара, его функциональных возможностях).

Сферу действия рассматриваемого правила следует расширить – она не должна ограничиваться случаями распространения контрафактных товаров. Неправомерное использование конкурентом знака обслуживания при выполнении работ или оказании услуг приводит к возникновению на стороне потерпевшего правообладателя упущенной выгоды, связанной с оттоком клиентом, неполученными заказами. Размер убытков правообладателя в подобной ситуации может быть определен исходя из стоимости соответствующих работ или услуг, которые выполняет или оказывает правообладатель, и количества заказов, которые были приняты и исполнены нарушителем. В результате данного обобщения соответствующее правило может быть сформулировано как «одно неправомерное (несанкционированное) использование охраняемого объекта интеллектуальной собственности вытесняет одно его аналогичное правомерное использование».

7. Исследование отдельных разновидностей (способов расчета) компенсации за нарушение исключительного права показало, что у компенсации за нарушение исключительного права нет единой правовой природы. Являясь альтернативой по отношению к требованию о возмещении убытков, компенсация в зависимости от ее вида различается по своему происхождению и преследуемым целям. Вывод о правовой природе компенсации в целом, без учета особенностей ее разновидностей всегда будет недостаточно точным.

Компенсация в твердом размере и компенсация в виде кратной стоимости права использования являются мерами гражданско-правовой ответственности и носят восстановительный характер с умеренно штрафным началом. Компенсация в виде кратной стоимости контрафакта имеет смешанную природу, сочетающую элементы кондикционного обязательства и меры гражданско-правовой ответственности.

Несмотря на выявленные различия в происхождении и функциях, в качестве общей, объединяющей идеи всех трех разновидностей компенсации за нарушение исключительного права должна выступать идея

недопустимости привлечения к ответственности в форме компенсации, размер которой значительно превышает размер действительных или вероятных убытков правообладателя. Компенсация как мера гражданско-правовой ответственности должна восстанавливать имущественное положение правообладателя и при этом накладывать на нарушителя умеренный штраф. Например, если корректно рассчитанная правообладателем компенсация в виде кратной стоимости контрафакта многократно превышает размер понесенных им убытков, то у суда должна быть возможность снизить размер компенсации до размера, достигающего цель восстановления и умеренного штрафа. Снижению должна подвергаться та часть компенсации, которая выполняет функцию гражданско-правовой ответственности.

8. Обращение к истории появления статутных убытков, которые являются прототипом компенсации за нарушение исключительного права в твердом размере, уяснение причин их появления показывают, что данный вид компенсации носит, прежде всего, восстановительный характер. Ключевая идея компенсации данного вида состоит в том, чтобы возместить причиненные правообладателю убытки в ситуации, когда их доказывание является чрезмерно обременительным или трудновыполнимым для правообладателя. Нет оснований наделять компенсацию данного вида ярко выраженным штрафным характером.

При определении размера компенсации данного вида необходимо принимать во внимание, прежде всего, размер действительных или вероятных убытков, которые понес правообладатель в результате нарушения исключительного права. Данный критерий определения размера компенсации в твердом размере должен стать основным, подлежащим учету в первую очередь.

9. Компенсация за нарушение исключительного права в виде кратной стоимости права использования, как и компенсация в твердом размере, является мерой гражданско-правовой ответственности, носит восстановительный характер с умеренно штрафным началом. Для достижения этой цели представляется целесообразным установление умеренного повышающего коэффициента.

Альтернативно идея умеренного штрафного характера компенсации в виде кратной стоимости права использования может быть реализована за счет умножения определенной судом однократной стоимости права использования на полуторную или двойную среднюю процентную ставку, взимаемую банками при коммерческом кредитовании. При определении размера процентной ставки и итоговой суммы компенсации следует учитывать срок неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности, а также период, в течение которого нарушитель уклонялся от выплаты компенсации.

10. В качестве базы для определения размера компенсации в виде кратной стоимости права использования следует, как правило, рассматривать стоимость права использования по договору неисключительной лицензии, которая при сравнимых обстоятельствах взимается за правомерное аналогичное использование. Нарушитель исключительного права, которым в большинстве случаев является случайное, постороннее по отношению к правообладателю лицо, не может быть поставлен в один ряд с исключительным лицензиатом, который обычно платит особую цену за эксклюзивность использования охраняемого объекта.

Взыскание компенсации в размере, равном или превышающем стоимость исключительной лицензии, может быть обоснованным в исключительных случаях. Такое возможно, если правообладатель не предоставляет лицензии на использование объекта интеллектуальной собственности третьим лицам, оберегая свою монополию на его использование, или когда правообладатель предоставляет третьим лицам только исключительные лицензии – в отношении различных сроков, территории, способов использования. В этом случае убытки правообладателя от совершенного нарушения могут быть сопоставимы со стоимостью исключительной лицензии.

11. Компенсация в виде кратной стоимости контрафакта имеет смешанную правовую природу, сочетающую в себе элементы кондикционного обязательства и меры гражданско-правовой ответственности. В отличие от двух других разновидностей альтернативной компенсации за нарушение исключительного права компенсация в виде кратной стоимости контрафакта нацелена, прежде всего, на лишение нарушителя полученной выгоды от неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности. В той части, в которой с нарушителя взыскивается однократная стоимость реализованного им контрафакта, данное требование является кондикционным. В той части, в которой с нарушителя взыскивается сумма, на которую стоимость реализованного контрафакта оказалась увеличенной вследствие применения повышающего коэффициента, данное требование является мерой гражданско-правовой ответственности.

Вывод о правовой природе компенсации рассматриваемого вида должен быть скорректирован применительно к ситуации, когда с нарушителя взыскивается двукратная стоимость контрафакта, который он предлагал к продаже, но не успел реализовать. В таком случае говорить о кондикционной природе данного требования в части взыскания стоимости контрафакта нет оснований, поскольку фактически нарушитель не обогатился вследствие неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности. Компенсация в виде кратной стоимости контрафакта играет в данном случае роль исключительно меры гражданско-

правовой ответственности. В зависимости от размера взысканной суммы и ее соотношения с размером убытков правообладателя она может выполнять или только восстановительную функцию, или восстановительную и штрафную одновременно.

12. Необходимо расширить сферу применения компенсации в виде кратной стоимости контрафакта – распространить ее не только на случаи изготовления и распространения контрафактной продукции, но и на иные случаи нарушения исключительного права, в результате совершения которых нарушителем получена прибыль. Требование о взыскании компенсации данного вида может выступать как в качестве альтернативного по отношению к возмещению убытков и иным видам компенсации, как это и есть в настоящий момент в отечественном праве интеллектуальной собственности, так и в качестве дополнительного способа защиты по отношению к возмещению убытков, как это следует из более общей нормы о допустимости взыскания доходов нарушителя (абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК).

Соответствующим природе компенсации данного вида представляется вариант кумулятивного по отношению к возмещению убытков ее взыскания в той части, в которой она составляет содержание кондикционного требования. В части, относящейся к мере гражданско-правовой ответственности, взыскание компенсации данного вида может быть альтернативным или зачетным по отношению к возмещению убытков.

13. Лица, которые непосредственно использовали без согласия правообладателя объект интеллектуальной собственности одним способом или несколькими способами в рамках одной экономической цели (нарушители одного порядка), должны отвечать солидарно при установлении факта согласованности их действий и независимо от наличия или отсутствия у них намерения причинить правообладателю вред.

В ситуации, когда есть основной нарушитель исключительного права (организатор, заказчик) и косвенный нарушитель, содействующий основному (пособник, посредник, исполнитель), данные лица должны отвечать солидарно при условии, что косвенный нарушитель знал и сознательно содействовал нарушению или должен был знать о нарушении. Устанавливать раздельную ответственность основного и косвенного нарушителей не следует, поскольку их действия определяют, дополняют друг друга и влекут общие негативные для правообладателя последствия. Если косвенный нарушитель не знал и не должен был знать о совершенном нарушении, привлечение его к ответственности за нарушение исключительных прав должно быть исключено, поскольку в таком случае он добросовестно полагал, что лицо, которое привлекло его к использованию объекта интеллектуальных прав, действует правомерно.

14. Действующие правила о сроке, в течение которого информационный посредник обязан отреагировать на заявление правообладателя о выявленном нарушении, равно как и практика их применения представляются недостаточно определенными и во многом противоречивыми. С целью устранения неопределенности и противоречивости регулирования целесообразно закрепление в действующем законодательстве и последующее последовательное применение одной из двух моделей определения рассматриваемого срока.

В качестве первой модели можно выделить модель разумного срока. Это оптимальная модель, позволяющая учитывать детали конкретной ситуации. Однако ее внедрение должно сопровождаться нормой или разъяснениями о том, что счет должен идти на часы и дни, а не на недели и месяцы, как это иногда предлагается в судебной практике.

Вторая возможная модель регулирования - модель нормативно определенного срока с исключениями. Она предполагает выработку общего правила об определенном сроке пресечения информационным посредником нарушения, которое бы распространяло свое действие на все виды объектов интеллектуальной собственности, неправомерно используемых в Интернете. Такой общий срок может составлять 24 часа с момента получения претензии правообладателя. В качестве исключения более поздняя реакция посредника может быть признана своевременной в особых ситуациях, требующих от получателя претензии повышенных усилий (например, претензия правообладателя относится сразу ко множеству охраняемых объектов, использованных на соответствующем ресурсе, или ко множеству ресурсов или его версий, администрируемых одним ответчиком).

При определенных достоинствах обеих моделей первая представляется более предпочтительной.

15. Соотношение гражданско-правовой ответственности нарушителя перед обладателем исключительного права и перед исключительным лицензиатом является достаточно сложным и зависит от ряда факторов.

Если правообладатель согласно условиям договора исключительной лицензии сохранил за собой право использования объекта договора, то при несанкционированном использовании данного объекта третьим лицом в имущественной сфере правообладателя в большинстве случаев возникают убытки в виде упущенной выгоды, возмещения которых он вправе требовать. Соответственно в этой ситуации правообладателю, как и исключительному лицензиату, должны быть доступны, в том числе, имущественные требования к нарушителю (возмещение убытков, взыскание компенсации).

В ситуации, когда лицензионный договор не содержит условия о сохранении за лицензиаром права использования объекта, правообладатель, по общему правилу, закрепленному в п. 1.1 ст. 1236 ГК, не вправе использовать объект и, следовательно, в большинстве случаев не несет имущественных потерь, связанных с использованием объекта третьим лицом. В подобной ситуации он вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации, если лицензионным договором предусмотрено его право на получение вознаграждения в виде процента от дохода лицензиата. Кроме того, имущественные требования должны быть доступны правообладателю, не сохранившему за собой право использования, при причинении ему репутационного вреда, например, в связи с низким качеством распространяемых нарушителем контрафактных товаров.

В результате проведенного исследования выработаны следующие концептуальные предложения по **совершенствованию правового регулирования отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.**

1. Общие положения четвертой ГК о способах защиты исключительного права целесообразно дополнить правилом о том, что меры гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права должны быть соразмерны последствиям совершенного нарушения, а размер взыскиваемых сумм – равным или незначительно превышающим действительные или вероятные убытки правообладателя.

2. Следует исключить закрепленную в абз. 3 п. 3 ст. 1250 ГК норму о безвиновной ответственности за нарушение исключительного права, совершенное при осуществлении предпринимательской деятельности, и при этом предусмотреть правило о безвиновной ответственности предпринимателей за нарушение иных имущественных интеллектуальных прав (право на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности, право следования). Данные изменения будут соответствовать общей логике современного гражданско-правового регулирования, которое предполагает применение дифференцированного подхода к субъективному условию гражданско-правовой ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в зависимости от характера совершенного нарушения (ответственность за нарушение существующего обязательства независимо от вины – п. 3 ст. 401 ГК и ответственность за причинение внедоговорного вреда на началах вины – п. 2 ст. 1064 ГК).

3. В общих положениях о защите исключительного права следует закрепить правило о единстве намерений нарушителя, при этом придать данному правилу универсальный характер - распространить его на случаи, когда нарушителем в течение непродолжительного периода времени совершено несколько повторяющихся действий по использованию одного

объекта интеллектуальной собственности, при этом из обстоятельств нарушения следует его единое намерение (умысел) на совершение всех указанных действий.

4. В общих положениях части четвертой ГК применительно к возмещению убытков как способу защиты исключительного права целесообразно предусмотреть общее правило, в соответствии с которым при определении размера убытков правообладателя следует исходить из того, что одно неправомерное (несанкционированное) использование охраняемого объекта интеллектуальной собственности вытесняет одно его аналогичное правомерное использование. Исключения должны составлять случаи, когда товары, работы или услуги правообладателя и нарушителя не являются взаимозаменяемыми, аналогичными с точки зрения круга потребителей.

5. Целесообразно закрепить норму о том, что при определении размера компенсации за нарушение исключительного права в виде кратной стоимости права использования права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации следует учитывать стоимость права использования по договору неисключительной лицензии, которая при сравнимых обстоятельствах взимается за правомерное аналогичное использование. При этом взыскание кратной стоимости права использования по исключительной лицензии следует допустить в исключительных случаях, если будет установлено, что правообладатель ранее не предоставлял кому-либо право использования соответствующего объекта или предоставлял только исключительные лицензии.

6. Принимая во внимание восстановительную и превентивную цели гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, а также с учетом зарубежного опыта регулирования целесообразно закрепить в общих положениях о защите исключительного права дифференцированный подход к определению размера компенсации в виде кратной стоимости права использования. Для случаев умышленного нарушения исключительного права или нарушения по грубой неосторожности коэффициент, применяемый к стоимости права использования, должен быть большим (например, 1,5). Для случаев нарушения исключительного права по простой неосторожности или при отсутствии вины соответствующий коэффициент должен быть меньшим (например, 1,2).

Альтернативно идея умеренного штрафного характера компенсации в виде кратной стоимости права использования может быть реализована не посредством закрепления в законе абстрактного повышающего коэффициента, а за счет умножения однократной стоимости права использования на полуторную или двойную среднюю процентную ставку,

взимаемую банками при коммерческом кредитовании. Размер ставки кредитования при таком подходе логично определять исходя из периода неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности, а также периода, в течение которого нарушитель уклонялся от выплаты компенсации.

7. Необходимо расширить сферу применения компенсации в виде кратной стоимости контрафакта – распространить ее не только на случаи изготовления и распространения контрафактной продукции, но и на иные случаи нарушения исключительного права, в результате совершения которых нарушителем получена прибыль. В связи с этим следует скорректировать название и содержание данного вида (способа расчета) компенсации – поименовать его следующим образом: «компенсация в виде кратного размера прибыли, полученной нарушителем вследствие нарушения исключительного права». Данные правила целесообразно закрепить в общих положениях части четвертой ГК.

8. Следует раскрыть в законе содержание понятия «совместное нарушение исключительного права», совершение которого влечет наступление солидарной ответственности. Совместным следует считать нарушение исключительного права, совершенное двумя или более лицами, которые использовали охраняемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации одним способом или несколькими способами в рамках одной экономической цели при условии согласованности их действий и независимо от их намерения причинить правообладателю убытки или иные неблагоприятные последствия.

9. Целесообразно установление в законе единых условий гражданско-правовой ответственности информационных посредников за нарушение исключительного права. Вид информационного посредника, характер его деятельности должны учитываться при применении данных условий, но они не должны предопределять набор и содержание условий. Установление данных правил следует сопровождать нормой о разумном сроке, в течение которого информационный посредник обязан отреагировать на претензию правообладателя о выявленном нарушении исключительного права.

10. Следует закрепить правило об обязанности информационного посредника, являющегося владельцем информационного ресурса (сайта, мобильного приложения), функционал которого позволяет третьим лицам размещать копии объектов интеллектуальной собственности, осуществлять превентивные меры, направленные на недопущение совершения третьими лицами нарушений исключительных прав посредством функционала данного ресурса (превентивная модерация). К субъектам данной обязанности не должны быть отнесены информационные посредники других видов.

11. В общих положениях о защите исключительного права следует предусмотреть правило о том, что обладатель исключительного права в период действия договора доверительного управления исключительным правом вправе защищать данное право, в том числе требовать привлечения нарушителя к гражданско-правовой ответственности в форме возмещения убытков или выплаты компенсации.

12. Для того, чтобы у лицензиара была возможность эффективно противостоять действиям сублицензиатов, получивших сублицензию без его согласия, необходимо закрепление в нормах части четвертой ГК правила о ничтожности сублицензионного договора, заключенного при отсутствии согласия лицензиара. Это позволит правообладателю требовать применения мер гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права по отношению к сторонам такого сублицензионного договора без необходимости его оспаривания.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в его комплексном, системном характере, что позволило разработать теоретическую модель института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, учитывающую базовые положения отечественного института гражданско-правовой ответственности и особенности объектов интеллектуальной собственности и отношений по их использованию.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при совершенствовании действующего законодательства об интеллектуальной собственности, в правоприменительной деятельности – при разрешении судами споров о защите нарушенных исключительных прав, правообладателями и пользователями – при выработке правовых позиций в рамках указанных споров. Предлагаемая модель гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права при ее последовательном применении способна привести баланс и определенность в решение многочисленных вопросов, возникающих при привлечении лиц, неправомерно использовавших охраняемый объект интеллектуальной собственности без согласия правообладателя, к ответственности данного вида.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность исследования подтверждается проведенным анализом международных, отечественных и зарубежных источников правового регулирования, материалов правоприменительной практики, научных работ, законопроектов.

Диссертация выполнена на кафедре предпринимательского и энергетического права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета. Материалы исследования

использовались автором для подготовки программ учебных дисциплин, подготовки и проведения учебных занятий по дисциплинам «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», «Актуальные проблемы права интеллектуальной собственности», «Осуществление и защита интеллектуальных прав», «Авторское право и смежные права», преподаваемых автором на юридическом факультете Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», а также при разработке образовательного онлайн-курса «Защита интеллектуальных прав», подготовленного автором для центра повышения квалификации «Legal Academy», проведении образовательных вебинаров на темы «Косвенные нарушения интеллектуальных прав», «Новеллы Части четвертой ГК // Комментарий к Федеральному закону от 07.07.2025 №214-ФЗ» в центре повышения квалификации «Legal Academy».

Ряд положений диссертации нашли свое отражение в научных докладах на конференциях и иных научных мероприятиях:

- круглый стол «Гражданско-правовое регулирование использования инновационных цифровых продуктов», Москва, Совет Федерации, 26 сентября 2024 г., тема доклада: «Особенности оценки стоимости интеллектуальных прав при привлечении нарушителей к имущественной ответственности»;

- IV Международная научно-практическая конференция «АВТОР/AUTHOR – 2024», Москва, Роспатент, 18 - 19 апреля 2024 г., тема доклада: «О сроке принятия информационным посредником мер для прекращения нарушения интеллектуальных прав»;

- конференция «Интеллектуальная собственность и цифровизация», Москва, Legal Academy, 15 декабря 2023 г., тема доклада: «Использование встроенных гиперссылок: интеллектуально-правовые аспекты»;

- IV Международная практическая конференция «Интеллектуальные права: вызовы XXI века», Томск, Томский государственный университет, 9 - 12 ноября 2022 г., тема доклада: «Особенности защиты исключительного права, переданного в доверительное управление»;

- круглый стол «Интеллектуальная собственность: множественность нарушений и солидарная ответственность», онлайн, Legal Academy, 26 апреля 2022 г., тема доклада: «Множественность нарушений. Правила об одной экономической цели и единстве намерений»;

- Международная научно-практическая конференция «Интеллектуальная собственность: частная или публичная?», Москва, НИУ «Высшая школа экономики», 18 апреля 2022 г., тема доклада: «О безвиновной ответственности за нарушение исключительного права»;

- III Международная практическая конференция «Интеллектуальные права: вызовы XXI века», Томск, Томский государственный университет, 9 - 13 ноября 2021 года, тема доклада: «Модели ответственности информационного посредника за нарушение интеллектуальных прав».

Некоторые идеи и выводы, сформулированные при проведении настоящего исследования, были учтены и реализованы в практике Конституционного Суда РФ при принятии постановлений по вопросам гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав.

Обсуждение диссертации проведено на заседании кафедры предпринимательского и энергетического права ФГАОУ ФО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

По теме диссертационного исследования опубликовано 25 научных работ. Из них 21 статья опубликована в журналах из перечня ВАК при Минобрнауки России. Общий объем публикаций автора по теме диссертационного исследования – 17,4 п.л.

Структура работы определяется целью и задачами исследования, используемыми методами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих 21 параграф, заключения, библиографического списка.

Основное содержание работы

В первой главе «Понятие и условия гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права: доктринальные подходы и практические аспекты» анализируются существующие в доктрине подходы к понятию «гражданско-правовая ответственность», его признакам, соотношению с понятием «гражданско-правовая защита», а также исследуются условия гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права.

В первом параграфе первой главы исследуются понятие и признаки гражданско-правовой ответственности.

В соответствии с общепринятым в отечественной науке гражданского права подходом понятие «гражданско-правовая ответственность» является специальным по отношению к понятию «гражданско-правовая защита». «Гражданско-правовая защита» охватывает собой любые негативные последствия (санкции), которые в силу действующего правового регулирования или условий договора наступают в сфере лица, совершившего гражданское правонарушение. «Гражданско-правовая ответственность» включает не все санкции, а лишь те, которые предусматривают негативные последствия в имущественной сфере нарушителя в виде лишения принадлежащего ему имущественного права и (или) возложения не него имущественной обязанности.

Альтернативные подходы к соотношению данных понятий - их приравнивание или понимание гражданско-правовой ответственности в перспективном смысле – как обязанности давать отчет в своих действиях не получили широкого распространения, поскольку они не отражают сущности, особенностей гражданско-правовой ответственности как института гражданского права.

Понятие «гражданско-правовая ответственность» обсуждается в юридической науке также в контексте его относимости к должному или сущему. Под гражданско-правовой ответственностью предлагается понимать либо негативные последствия, наступающие в имущественной сфере нарушителя вследствие совершенного им нарушения, либо обязанность данные последствия претерпеть.

Данная дискуссия имеет сугубо теоретическое значение и ее результат едва ли может иметь практические юридические последствия. Необходимо отталкиваться от контекста использования рассматриваемого понятия. Гражданско-правовая ответственность как санкция за нарушение гражданских прав представляет собой те или иные лишения (обременения) имущественного характера, которые фактически претерпел или претерпит нарушитель. Рассмотрение гражданско-правовой ответственности в разрезе правоотношения, в рамках которого она реализуется, влечет понимание гражданско-правовой ответственности как соответствующего охранительного правоотношения, содержанием которого является обязанность нарушителя претерпеть лишения имущественного характера и корреспондирующее ей право потерпевшего требовать наступления данных лишений.

Общепризнанным в отечественной юридической науке является подход, в соответствии с которым основной функцией гражданско-правовой ответственности является восстановление имущественной сферы потерпевшего. Функции превенции, наказания, воспитания, свойственные юридической ответственности в целом, для гражданско-правовой ответственности также характерны, но они носят факультативный характер, уступая центральное место восстановительной (компенсаторной) функции.

Существует и более гибкий подход, подчеркивающий значимость превентивной функции гражданско-правовой ответственности наряду с компенсационно-восстановительной. Данный подход основывается, во-первых, на констатации динамичности и вариативности современной жизни, которые исключают возможность полного восстановления имущественной сферы потерпевшего и перенесения его в положение, в котором он находился бы, если бы его право нарушено не было. Кроме того, в рамках данного подхода учитывается наличие в современном гражданском праве ряда норм, допускающих взыскание с нарушителей

гражданских прав денежных сумм, превышающих размер убытков потерпевшего.

И для стран, относящихся к континентальной правовой системе, и для стран общего права характерна компенсационно-восстановительная направленность гражданско-правовой ответственности. Возмещение потерпевшему убытков в полном объеме – общепринятая базовая идея гражданско-правовой ответственности. При этом значимость превентивной функции гражданско-правовой ответственности остается предметом оживленной дискуссий, прежде всего, в сфере деликтного права.

Меры гражданско-правовой ответственности за нарушение интеллектуальных прав имеют определенную специфику в зависимости от их вида. Гражданско-правовая ответственность за нарушение исключительного права может наступать как в общей форме - возмещение убытков, так и в специальной – взыскание компенсации. Гражданско-правовая ответственность за нарушение личных неимущественных интеллектуальных прав может наступать в форме компенсации морального вреда. Хотя в ст. 1251 ГК, которая посвящена способам гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав, возмещение убытков как мера ответственности не указана, нельзя отрицать того, что нарушение личного неимущественного права при определенных условиях может повлечь причинение автору не только морального, но и имущественного вреда, в связи с чем обладатель данного права может требовать возмещения причиненных ему убытков. Гражданско-правовая ответственность за нарушение иных интеллектуальных прав может наступать в форме возмещения убытков.

Остальные способы защиты интеллектуальных прав, перечисленные в ст. 1251 и 1252 ГК и применяемые на практике, являются мерами защиты, не относящимися к мерам ответственности. В частности, в случае применения таких способов защиты исключительного права, как изъятие и уничтожение контрафакта, публикация судебного решения за счет нарушителя, возложение на нарушителя обязанности принять специальные технологические меры, направленные на пресечение нарушений в будущем, нарушитель исключительного права несет имущественные потери. Однако поскольку в результате применения данных способов защиты имущество нарушителя не передается потерпевшему – не происходит полноценного восстановления его имущественной сферы, данные способы защиты к мерам гражданско-правовой ответственности не относятся.

В связи с данным делением способов защиты интеллектуальных прав особый интерес представляет квалификация требования о выплате астрента (судебной неустойки), которое периодически предъявляется правообладателями и рассматривается судами. С учетом того, что астрент не преследует цели восстановления имущественной сферы потерпевшего – не отвечает базовому признаку гражданско-правовой ответственности, он

не может быть отнесен к одной из ее форм. В то же время в той мере, в которой астрент содействует восстановлению нарушенных гражданских прав, он может быть отнесен к иным способам защиты гражданских прав, не являющимся мерами ответственности. Дополнительной особенностью данного способа защиты является его факультативный (субсидиарный) характер – он может быть применен лишь в случае, когда не срабатывает основной способ защиты, избранный потерпевшим правообладателем.

Во втором параграфе первой главы исследован вопрос о конструкции состава гражданского нарушения исключительного права и значении убытков как одного из элементов данного состава.

В отечественной цивилистической науке традиционно выделяют следующие условия гражданско-правовой ответственности, которые в совокупности образуют состав гражданского правонарушения: противоправное (неправомерное) поведение, вред, причинная связь между ними и вина. При этом в качестве исключения законом или договором может быть предусмотрен усеченный состав гражданского нарушения, не требующий наличия убытков для наступления гражданско-правовой ответственности.

Конструкция усеченного состава для гражданско-правовой ответственности в целом нехарактерна, поскольку она вступает в определенное противоречие с назначением данного правового института. Центральным для применения гражданско-правовой ответственности является вопрос о наличии у потерпевшего убытков, которые должны быть возмещены нарушителем. При отсутствии убытков отпадает необходимость в применении гражданско-правовой ответственности, поскольку имущественная сфера потерпевшего не нуждается в восстановлении.

В отечественной юридической литературе распространено мнение о том, что состав гражданского нарушения исключительного права является усеченным. В основе данного подхода лежит ошибочное понимание нормы абз. 1 п. 3 ст. 1252 ГК, в соответствии с которой правообладатель, обратившийся за защитой исключительного права с требованием о выплате компенсации, не обязан доказывать размер причиненных ему убытков. Свое развитие данная норма получила в п. 59 Постановления Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление ВС №10), в соответствии с которым правообладатель не обязан доказывать не только размер понесенных убытков, но и факт их несения. Из них следует специальное правило об ином распределении бремени доказывания по делам о взыскании компенсации за нарушение исключительного права, а не правило об усеченном составе гражданского правонарушения данного вида.

Для наступления гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права и в форме возмещения убытков, и в форме выплаты компенсации необходим полный состав гражданского правонарушения.

При этом возникновение убытков на стороне правообладателя следует презюмировать. Во-первых, данный подход в наибольшей степени соответствует сущности института гражданско-правовой ответственности, его компенсационно-восстановительной направленности. Во-вторых, он учитывает особенности объектов интеллектуальной собственности, несанкционированное использование которых в подавляющем большинстве случаев приводит к возникновению на стороне правообладателя упущенной выгоды.

Если при предъявлении требования о возмещении убытков правообладатель не представит достаточных доказательств их размера, и при этом презумпция возникновения у него убытков от действий нарушителя не будет опровергнута, с нарушителя в пользу правообладателя должна взыскиваться, по крайней мере, сумма, сопоставимая с минимальной альтернативной компенсацией за нарушение исключительного права в твердом размере. Такое решение будет соответствовать пониманию гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права как ответственности восстановительной с умеренно штрафным началом. Взыскание с нарушителя убытков в большем размере в подобной ситуации также возможно с учетом современных положений обязательственного права, допускающих взыскание убытков, точный размер которых невозможно установить, на основе принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

В третьем параграфе первой главы рассматривается противоправное поведение как условие гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права.

Противоправность (неправомерность) поведения в контексте рассматриваемой темы можно определить как одно из условий гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, представляющее собой объективное несоответствие норме права поведения лица, посягающего на исключительное право другого лица.

Гражданско-правовая ответственность может наступить за совершение различных по своему содержанию действий, каждое из которых может быть квалифицировано как объективно противоправное и при этом посягающее на исключительное право.

Современное право интеллектуальной собственности построено таким образом, что гражданско-правовая ответственность может наступить за совершение различных по своему содержанию действий, каждое из которых может быть квалифицировано как объективно противоправное и при этом посягающее на исключительное право.

Во-первых, противоправным является использование объекта интеллектуальной собственности без согласия правообладателя, когда получение такого согласия является для пользователя обязательным.

Во-вторых, противоправным является использование объекта интеллектуальной собственности без согласия правообладателя, когда получение такого согласия не требуется, однако пользователем не соблюдены специальные правила свободного использования соответствующего объекта.

В-третьих, противоправным является посредничество в использовании объекта интеллектуальной собственности в информационно-телекоммуникационной сети.

В-четвертых, противоправным может быть признано посредничество в использовании объекта интеллектуальной собственности за рамками информационно-телекоммуникационной среды (техническое посредничество).

В-пятых, противоправным является удаление или изменение информации об авторском праве или смежных правах, а также использование объекта авторских или смежных прав с удаленной или измененной информацией об авторском праве или смежных правах.

В-шестых, в качестве противоправного действия, нарушающего исключительное право, следует квалифицировать вывод из строя технических средств защиты, которые использует обладатель авторских или смежных прав, а также введение в оборот средств, предназначенных для вывода из строя технических средств защиты правообладателя.

В рамках перечисленных разновидностей противоправного поведения возможно выделение подвидов, в некоторых случаях довольно многочисленных. Наиболее показательной в этом отношении является первая разновидность противоправных действий – использование охраняемого объекта без согласия правообладателя, которое может быть классифицировано на множество различных видов в зависимости от вида объекта интеллектуальной собственности и характерных способов его использования: воспроизведение, распространение, доведение до всеобщего сведения и др. – для объектов авторских и смежных прав; изготовление продукта, его применение, предложение к продаже и др. – для объектов патентных прав; нанесение на товар, использование в рекламе, в доменном имени – для товарных знаков, и т.д.

В четвертом параграфе первой главы исследуется причинно-следственная связь как условие гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права.

Вопрос о том, какая причинно-следственная связь является юридически значимой, т.е. необходимой и достаточной для возложения на конкретное лицо ответственности за совершенное правонарушение, является одним из самых сложных и дискуссионных в цивилистической науке. Одной из наиболее ярких и убедительных является разработанная О.С.Иоффе теория возможности и действительности, в соответствии с которой юридически значимой причиной возникших у потерпевшего

убытков является такое поведение нарушителя, которое создало их конкретную (не абстрактную) возможность возникновения или превратило возможность их возникновения в действительность. В целом, при анализе существующих теорий причинно-следственной связи как условия гражданско-правовой ответственности следует согласиться с М.М.Брагинским и В.В.Витрянским в том, что различные теории причинной связи не столько противостоят, сколько дополняют друг друга, раскрывают различные аспекты данного явления.

В современной судебной практике для случаев взыскания убытков, возникших вследствие нарушения обязательства (прежде всего, договорного) Пленум Верховного Суда РФ избрал теорию адекватного (типичного) причинения. Выбор данной теории был сопровожден установлением презумпции наличия причинной связи между действием (бездействием) должника и возникшими у кредитора убытками (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. №7).

Предложенный высшей судебной инстанцией подход, предполагающий презумпцию наличия юридически значимой причинно-следственной связи между противоправным поведением неисправного контрагента и убытками кредитора, сопровождающийся применением основных положений теории адекватного причинения, может применяться и в случаях причинения внедоговорного вреда, по крайней мере, в ситуациях, когда обстоятельства причинения вреда являются типичными.

Приведенные выше разновидности неправомерного поведения, посягающего на чужое исключительное право, как раз представляют собой достаточно типичные действия, совершаемые участниками современного гражданского оборота. Так, представляется вполне обоснованным презюмировать наличие причинно-следственной связи между действиями лица и убытками правообладателя в случаях, когда лицо непосредственно использовало объект без согласия правообладателя, в том числе с нарушением правил свободного использования (первый и второй варианты противоправного поведения). Применение данной презумпции будет уместно также тогда, когда лицо осуществляет информационное или иное посредничество в несанкционированном (не согласованном с правообладателем) использовании объекта интеллектуальной собственности (третий и четвертый варианты неправомерного поведения).

В то же время распространение рассматриваемой презумпции на случаи противоправного поведения, описанные в пятом и шестом вариантах, едва ли уместно. Само по себе удаление информации об авторском праве с учетом того, каким широким содержанием наделено данное понятие в нормах ст. 1300, 1310 ГК, далеко не всегда может повлечь убытки правообладателя. Что касается технических средств защиты авторских и смежных прав, то и действия по выводу их из строя, и тем более

действия по введению в оборот технологий, для этого предназначенных, также далеко не всегда приведут к возникновению убытков у конкретного правообладателя, в связи с чем их причинный по отношению к убыткам характер подлежит доказыванию и установлению на общих основаниях.

В пятом параграфе первой главы исследуется вина как условие гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права.

В отечественной юридической науке существует известная дискуссия о понятии вины как условия гражданско-правовой ответственности. Согласно первому подходу вину применительно к гражданско-правовой ответственности следует понимать так же, как и применительно к другим видам юридической ответственности, т.е. как внутреннее, психическое отношение лица к своим действиям и их последствиям («психологическая концепция»). В то же время достаточно распространенным в отечественной цивилистической науке является второй подход, сторонники которого понимают под виной непринятие субъектом гражданского права объективно возможных мер по предотвращению неблагоприятных последствий его действий («поведенческая концепция»).

Поведенческая концепция вины представляется менее убедительной, поскольку она приводит к определенному смещению вины и противоправности. Психологическое понимание вины в большей степени соответствует сути данного явления. Поведение предполагаемого нарушителя отражает его субъективное отношение к происходящему, является ключевым индикатором, по которому можно распознать наличие или отсутствие вины. При этом поведением не должно подменяться само психическое отношение, если мы рассматриваем вину как отдельное условие ответственности, существующее наряду с противоправностью поведения. Сущность вины составляет то, как лицо относилось к своим неправомерным действиям в момент их совершения, а не то, как это выглядело со стороны.

Форму (степень) вины предполагаемого нарушителя исключительного права следует определять, прежде всего, через степень (уровень) его осведомленности о том, что используемый им объект является охраняемым, а также о том, что в данном конкретном случае использование осуществляется при несоблюдении исключительного права – например, при отсутствии согласия правообладателя на соответствующее использование объекта.

Если лицо знало, осознавало или сознательно допускало, что оно своими действиями нарушает чужое исключительное право, то это означает, что оно действовало умышленно. Если лицо не знало, но должно было знать о том, что своими действиями оно нарушает исключительное право, это свидетельствует о грубой неосторожности с его стороны. Если же лицо не знало, не должно было знать, но могло знать о противоправности своих действий, то в таком случае можно говорить о простой неосторожности с

его стороны. При этом в данном случае следует говорить не об абстрактной возможности знания, поскольку абстрактно ничего невозможного, в том числе и в вопросе получения знания об охраняемом объекте и правообладателе, нет. Речь должна идти о конкретной возможности, которая может быть установлена с учетом статуса, возраста, опыта, профессиональной специализации нарушителя.

В качестве дополнительного фактора, свидетельствующего о виновном нарушении исключительного права, следует рассматривать отнесение соответствующего объекта интеллектуальной собственности к категории регистрируемых. Если использованный объект хотя и не является широко известным, но при этом подлежит государственной регистрации, и данные о нем содержатся в общедоступном государственном реестре, то можно говорить о том, что пользователь должен был знать или, по крайней мере, мог знать о его правовом режиме. Исключения могут составлять не обладающие широкой известностью нетрадиционные товарные знаки (звуковые, цветочные, обонятельные и т.п.), правовая охрана которых в принципе трудно распознаваема и является достаточно редким явлением, а также ноу-хау и секретные изобретения, сведения о которых в открытом доступе отсутствуют. Кроме того, о вине нет оснований говорить в ситуации, когда лицо использует чужой объект интеллектуальной собственности, полагая, что осуществляет свое исключительное право на зарегистрированный в результате ошибочного решения уполномоченного органа объект, которое впоследствии признается недействительным по заявлению другого правообладателя.

Таким образом, вину как условие гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права следует определить как психическое отношение лица к совершаемым им действиям, характеризующееся осознанием, допущением или безразличным отношением к тому, что данные действия являются неправомерными, выразившееся в непринятии доступных ему мер, исключаяющих противоправность действий по использованию объекта интеллектуальной собственности.

В шестом параграфе первой главы исследуются особенности условий гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, совершенное лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность.

В соответствии с абз. 3 п. 3 ст. 1250 ГК лицо, нарушившее исключительное право при осуществлении предпринимательской деятельности, отвечает независимо от вины.

Правило о безвиновной ответственности предпринимателей за нарушение исключительного права ставит в весьма уязвимое положение тех из них, кто в своей деятельности полагается на исключительное право, возникшее вследствие ошибочного решения уполномоченного

государственного органа о регистрации соответствующего объекта интеллектуальной собственности. В условиях действия данного правила к ответственности за нарушение исключительного права может быть привлечено лицо, использующее чужой объект интеллектуальной собственности, добросовестно полагая, что действует правомерно. Такое возможно в ситуации, когда на имя данного лица зарегистрирован объект патентных прав или товарный знак с нарушением прав третьих лиц.

Учитывая то обстоятельство, что основные интеллектуальные права являются абсолютными, вполне логичным представляется распространение на них модели ответственности, предусмотренной за нарушение абсолютных прав, т.е. ответственности деликтной. К интеллектуальным правам относительного типа, тяготеющих к обязательственным правам, применение модели ответственности за нарушение обязательственных прав представляется более логичным решением.

Ответственность за нарушение исключительного права, а также личных неимущественных прав должна строиться по принципу вины независимо от статуса нарушителя и характера осуществляемой им деятельности. При этом взыскание полученной нарушителем прибыли в результате совершенного нарушения может осуществляться и при отсутствии его вины, поскольку данное требование по своему содержанию является кондикционным и к мерам гражданско-правовой ответственности не относится.

Ответственность за нарушение относительных интеллектуальных прав (право следования, право на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности, право автора музыкального произведения на вознаграждение за его использование в составе аудиовизуального произведения) может быть построена в традиции ответственности за нарушение обязательств и наступать независимо от вины, если нарушителем является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность.

Во второй главе «Определение количества нарушений исключительного права для цели применения мер гражданско-правовой ответственности» исследуются вопросы квалификации нескольких взаимосвязанных действий по неправомерному (не согласованному с правообладателем) использованию объекта интеллектуальной собственности как одного или нескольких нарушений исключительного права.

В первом параграфе второй главы формулируется общая проблема определения количества нарушений исключительного права при множественности действий нарушителей и намечаются пути ее возможного решения.

Институту защиты исключительного права известны различные варианты множественности нарушений. Во-первых, о множественности нарушений данного права можно говорить в ситуации, когда одним

действием одного лица неправомерно использовано сразу несколько объектов интеллектуальной собственности. Во-вторых, ситуация множественности нарушений предполагает, что один объект интеллектуальной собственности использован одним лицом посредством совершения нескольких взаимосвязанных действий («множественность действий»). Данные действия могут иметь различное содержание и последовательно сменять или дополнять друг друга.

Впервые законодатель обратился к проблеме множественности действий в 2004 г. при внесении изменений в Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09 июля 1993 г. №5351-1. С 28 июля 2004 г. в данном законе появилась норма абз. 4 п. 2 ст. 49, в соответствии с которой «обладатели исключительных прав вправе требовать от нарушителя выплаты компенсации за каждый случай неправомерного использования произведений или объектов смежных прав либо за допущенные правонарушения в целом».

С введением в действие части четвертой ГК рассматриваемая норма приобрела межинституциональный характер. В соответствии с абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК в первоначальной редакции, действовавшей с 01 января 2008 г. до 01 октября 2014 г., правообладатель вправе был требовать от нарушителя выплаты компенсации за каждый случай неправомерного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо за допущенное правонарушение в целом.

В рамках реформы части четвертой ГК с 01 октября 2014 г. норма абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК была изложена в новой редакции, в соответствии с которой при нарушении одним действием исключительного права сразу на несколько охраняемых объектов размер компенсации в твердой сумме может быть снижен ниже низшего предела, но не более чем на 50 процентов. С содержательной точки зрения новая норма являлась более специальной по сравнению с той, которую она собой заменила, поскольку она охватывала случаи множественности объектов, но не множественности действий. Для множественности действий какого-либо нового правила предложено не было. Это привело к известной неопределенности в вопросе о том, каким образом следует квалифицировать взаимосвязанные действия лица по использованию объекта интеллектуальной собственности с нарушением исключительного права.

Упразднение указанного правила без закрепления нового в части регулирования множественности действий постепенно привело к тому, что каждое действие нарушителя, совершаемое в отношении объекта интеллектуальной собственности без согласия правообладателя, стало рассматриваться как самостоятельное нарушение исключительного права. Именно такой подход был закреплен в качестве общего правила в п. 56 и 65 Постановления ВС №10. Данное общее правило сопровождается в Постановлении ВС №10 достаточно внушительными исключениями – правилами об одной экономической цели и о единстве намерений

нарушителя, которые при наличии определенных условий предполагают объединение нескольких связанных между собой действий нарушителя в одно нарушение исключительного права.

Во втором параграфе второй главы исследуются вопросы определения количества нарушений исключительного права при использовании нарушителем охраняемого объекта несколькими взаимосвязанными способами.

Исходя из общего правила, закрепленного в абз. 1 п. 56 Постановления ВС №10, использование объекта интеллектуальной собственности каждым способом представляет собой самостоятельное нарушение исключительного права, за совершение которого может наступить ответственность в форме возмещения убытков или взыскания компенсации. Правило об одной экономической цели, предусмотренное в абз. 2 п. 56 Постановления ВС №10, является исключением из указанного общего правила. Содержание данного исключения сводится к тому, что если лицо использовало объект интеллектуальной собственности с нарушением исключительного права хотя и несколькими способами, но преследуя при этом одну экономическую цель, содеянное должно квалифицироваться как одно нарушение исключительного права, а не несколько

Назначение правила об одной экономической цели и объективная необходимость в нем достаточно очевидны. В то же время содержание данного правила раскрыто в Постановлении ВС №10 не непосредственно, а через примеры, что само по себе несколько затрудняет его понимание и применение. Кроме того, данное правило закреплено в Постановлении ВС №10 противоречиво, поскольку оно не находит своего подтверждения и продолжения в иных разъяснениях, затрагивающих случаи использования одного объекта интеллектуальной собственности одним лицом разными способами.

Потребность в осмыслении и возможной корректировке данного подхода к определению количества нарушений исключительного права возникает в связи с тем, что не все способы использования объектов интеллектуальной собственности, в том числе поименованные в ГК, представляют собой действия, влекущие для правообладателя экономические последствия, в том числе негативные. Среди действий, которые традиционно относятся к способам использования объектов интеллектуальной собственности, есть такие, которые сами по себе не способны привести к положительным или отрицательным экономическим результатам - получению дохода правообладателем или, если они совершаются нарушителем, - к возникновению у правообладателя убытков. К таковым можно отнести, например, изготовление копии охраняемого объекта в той или иной форме, переработку произведения или фонограммы, включение охраняемого объекта в состав сложного объекта, удаление

информации об авторском праве или смежных правах. Эти действия могут повлечь определенные экономические последствия только в совокупности с последующим действием по непосредственному использованию объекта, предполагающим вовлечение объекта в гражданский оборот, предоставление доступа к нему третьим лицам. Непосредственное использование объекта интеллектуальной собственности в данном случае предполагает, например, предложение содержащего охраняемый объект товара к продаже, его распространение, доведение до всеобщего сведения, сообщение в эфир, публичное исполнение и т.д.

Представляется возможным выделить два пути совершенствования действующего правового регулирования в данной сфере.

Первый путь предполагает отказ от общего правила «один способ использования – одно нарушение». Независимо от того, какое количество действий разного вида совершил нарушитель исключительного права, содеянное им следует квалифицировать как одно нарушение, за которое может быть взыскана одна компенсация. Количество совершенных им действий при этом должно быть учтено при определении размера компенсации. Главным достоинством данного подхода является его простота: участники спора и суд освобождаются от необходимости доказывания и установления количества нарушений для цели взыскания компенсации. При этом необходимость в правиле об одной экономической цели отпадает, поскольку и без него все связанные между собой действия по использованию объекта интеллектуальной собственности будут объединены в одно нарушение.

Второй путь предполагает сохранение правила «один способ использования – одно нарушение» в качестве общего при определенном его уточнении, а также уточнении и раскрытии правила об одной экономической цели. Общее правило при данном подходе следует выстроить таким образом, чтобы в случае совершения нарушителем нескольких взаимосвязанных действий по использованию одного объекта интеллектуальной собственности самостоятельным нарушением исключительного права признавалось использование объекта интеллектуальной собственности не каждым из способов, а лишь теми из них, которые способны порождать экономические последствия в виде дохода или убытков правообладателя. Для удобства терминологии использование объекта такие способы можно именовать «основными» или «непосредственными», а использование остальными способами – «вспомогательными» или «опосредованным».

Второй подход представляется более взвешенным и перспективным в применении. В отличие от первого он не предполагает коренного пересмотра правила о квалификации действий по использованию объекта интеллектуальной собственности разными способами. Он развивает и

уточняет ныне действующее правило «один способ использования – одно нарушение», и при этом вносит ясность и большую определенность в решение вопроса о квалификации рассматриваемого использования объектов интеллектуальной собственности.

В сущности, именно второй из предложенных нами подходов был реализован, хотя и в самом общем виде, в Законе №214-ФЗ (п. 1.1 ст. 1252, п. 5 ст. 1252 ГК в ред. Закона №214-ФЗ). Однако в данных нормах осталось нераскрытым центральное понятие, использованное законодателем в качестве критерия отграничения одного нарушения исключительного права от нескольких - «самостоятельное экономическое значение». Это может привести на практике к неопределенности и противоречивым подходам судов.

В третьем параграфе второй главы исследована проблема определения количества нарушений исключительного права при использовании нарушителем охраняемого объекта интеллектуальной собственности одним способом, но при этом многократно.

Правило о единстве намерений, как и правило об одной экономической цели, является исключением из общего правила определения количества нарушений исключительного права («одно действие – одно нарушение»). При этом правило о единстве намерений охватывает ситуации, когда один объект интеллектуальной собственности использован одним лицом одним способом, но при этом неоднократно.

Существование правила о единстве намерений для целей определения количества нарушений исключительного права в контексте взыскания компенсации представляется оправданным. В исключительных ситуациях, когда несколько или множество действий по неправомерному использованию одного объекта интеллектуальной собственности тесно связаны между собой вследствие единого умысла нарушителя, данные действия должны объединяться в одно нарушение исключительного права. Это поможет избежать привлечения нарушителей к явно несоразмерной ответственности и возникновения дополнительных сложностей, связанных с определением размера каждой компенсации.

Сфера действия правила о единстве намерений не должна ограничиваться изготовлением копий объектов интеллектуальной собственности и распространением материальных носителей, их содержащих, в отношении которых даны разъяснения в п. 65 Постановления ВС №10. Данное правило должно носить универсальный характер и применяться в случаях, когда нарушителем в течение непродолжительного периода времени совершено несколько повторяющихся действий по использованию одного и того же объекта интеллектуальной собственности, при этом из обстоятельств нарушения следует его единое намерение (умысел) на совершение всех указанных действий. Внешним проявлением данного намерения в большинстве случаев будет выступать проектный

характер использования соответствующего объекта интеллектуальной собственности – его использование в рамках одной партии товара или тиража экземпляров, одной маркетинговой или иной акции, одного информационного сообщения, одного концертного тура, одной выставки, одного печатного издания и т.п.

В четвертом параграфе второй главы рассмотрены особенности определения количества нарушений при неправомерном использовании нескольких охраняемых элементов произведения.

На практике наибольшую актуальность данный вопрос получил применительно к персонажам современных мультфильмов.

На сегодняшний день в п. 81 Постановления ВС № 10 содержится разъяснение, согласно которому «совместное использование нескольких частей произведения образует один факт использования». Это означает, что неправомерное использование нескольких частей одного произведения должно квалифицироваться как одно правонарушение, за которое может быть взыскана лишь одна компенсация.

В условиях данного разъяснения обладателям прав на современные отечественные и зарубежные мультфильмы удастся взыскивать компенсацию за каждый использованный ответчиком персонаж, мотивируя свои требования тем, что графическое изображение каждого персонажа представляет собой самостоятельное произведение изобразительного искусства, исключительное право на которое принадлежит изготовителю фильма на основании договоров с художниками-мультипликаторами.

Установление самостоятельной правовой охраны произведения, специально созданного для использования в составе аудиовизуального произведения (п. 5 ст. 1263 ГК), представляется вполне оправданным решением. Если произведение, включенное в состав сложного объекта, способно к отдельному от него использованию, такое использование должно охватываться общим правилом, требующим согласия автора или его правопреемника. Соответственно использование такого произведения без согласия правообладателя является основанием для применения к нарушителю гражданско-правовых санкций, в том числе мер ответственности.

В третьей главе «Возмещение убытков и взыскание компенсации как меры гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права: теоретические подходы и практика применения» подробно исследуются возмещение убытков и взыскание компенсации как общая и специальная меры гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права.

В первом параграфе третьей главы рассмотрены особенности возмещения убытков как общей меры гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права.

С целью анализа особенностей и перспектив применения возмещения убытков как способа защиты исключительного права выделены две группы нарушений исключительного права.

К первой группе отнесены ситуации, при которых потерпевший правообладатель непосредственно участвует в экономических отношениях по использованию соответствующего объекта интеллектуальной собственности – производит и (или) реализует товары, содержащие копию объекта, выполняет работы или оказывает услуги с его использованием. Такой правообладатель может быть условно назван «практикующим».

Ко второй группе следует отнести ситуации, при которых потерпевший правообладатель непосредственно не участвует в экономических отношениях по использованию соответствующих объектов интеллектуальной собственности. Его участие в данных отношениях может быть опосредовано предоставлением права использования объекта другому лицу, который производит и распространяет товары, выполняет работы или оказывает услуги с использованием соответствующего охраняемого объекта. Возможна и ситуация, при которой правообладатель в течение того или иного периода времени не участвует в отношениях по использованию объекта даже опосредованно в связи с нежеланием в них участвовать, отсутствием спроса на соответствующий объект и т.п. Этот тип правообладателя может быть условно назван «непрактикующим».

Если правообладатель является практикующим, то при определении размера убытков логично отталкиваться от его деятельности, а точнее от того, как изменились доходы от ее осуществления в результате действий нарушителя.

Если правообладатель является непрактикующим, то при определении размера убытков следует учитывать, прежде всего, договорную практику правообладателя в отношении использования соответствующего объекта – в качестве базы для определения размера убытков может быть использована цена договора, который правообладатель заключил с третьим лицом в отношении аналогичного использования данного или схожего объекта. При отсутствии таковой возможен вариант моделирования ситуации и условий, при которых потерпевший правообладатель предоставил бы право использования соответствующего объекта другому лицу. Кроме того, если нарушение совершено в период действия лицензионного договора, заключенного между непрактикующим правообладателем и третьим лицом, и по условиям данного договора правообладатель имеет право на получение вознаграждения в виде процента от дохода, полученного лицензиатом, то при определении размера упущенной выгоды правообладателя могут быть учтены недополученные роялти в связи с уменьшением доходов лицензиата, которое произошло вследствие действий нарушителя.

В тех случаях, когда практикующие правообладатели решаются на предъявление требования о возмещении убытков, обоснование их наличия и размера зачастую строится через стоимость оригинальной продукции, которую правообладатель реализовал бы, если бы ответчик не реализовал контрафакт. В связи с этим в судебных актах последних лет можно встретить следующий тезис: «одна единица контрафактной продукции вытесняет с рынка одну единицу оригинальной продукции».

Данный подход может быть расширен - его необязательно привязывать к случаям распространения контрафактных товаров или экземпляров. Например, неправомерное использование конкурентом товарного знака при выполнении работ или оказании услуг точно так же приводит к возникновению на стороне потерпевшего правообладателя упущенной выгоды, связанной с оттоком клиентом, неполученными заказами. В связи с этим размер убытков правообладателя может быть рассчитан исходя из стоимости соответствующих работ или услуг, которые выполняет или оказывает правообладатель, умноженной на количество заказов, которые были приняты и исполнены нарушителем.

В некоторых случаях обоснованность применения рассматриваемого подхода может вызывать серьезные сомнения. Прежде всего они возникают в ситуации, когда товары, работы или услуги правообладателя и нарушителя не являются взаимозаменяемыми, когда потребители продукции или клиенты нарушителя с большой долей вероятности не стали бы потребителями продукции или клиентами правообладателя.

Наличие убытков от нарушения исключительного права, равно как и существование юридически значимой причинно-следственной связи между действиями нарушителя и убытками правообладателя следует презюмировать. При рассмотрении судом иска правообладателя о возмещении убытков или взыскании компенсации нарушитель вправе заявить об отсутствии у правообладателя убытков и представить соответствующее обоснование или доказать возникновение у правообладателя убытков по иной причине. Признаком отсутствия у правообладателя убытков может выступать отсутствие данных об использовании объекта, его невостребованность на рынке. Критериями установления иной причины возникновения убытков могут выступать сходства и различия между товарами, работами или услугами правообладателя и нарушителя – их качество, цена, территория и каналы реализации, наличие на рынке других аналогичных товаров, работ или услуг, способность правообладателя или его контрагентов удовлетворить спрос на товары, работы или услуги данного вида.

Если будет установлено, что деятельность нарушителя негативно повлияла не только на реализацию правообладателем основного товара, в (на) котором используется охраняемый объект, но и на реализацию

сопутствующих товаров, которые обычно приобретаются дополнительно, то неполученные доходы от реализации сопутствующих товаров должны быть возмещены правообладателю, даже если эти товары не содержат на (в себе) соответствующего охраняемого объекта интеллектуальной собственности. Аналогичным образом должен решаться вопрос и с сопутствующими работами и услугами, при выполнении (оказании) которых не происходит использования объекта интеллектуальной собственности, который был использован при реализации основного товара (работы, услуги).

Во втором параграфе третьей главы исследуется вопрос о правовой природе компенсации за нарушение исключительного права.

В современном юридическом сообществе компенсация за нарушение исключительного права понимается либо как мера ответственности восстановительного характера, либо как мера ответственности штрафного характера, либо как мера ответственности, сочетающая оба указанных элемента.

В нормах действующего законодательства можно обнаружить проявление как восстановительного, так и штрафного подхода к компенсации.

В отечественной юридической науке представлены все три перечисленные выше точки зрения по вопросу о правовой природе компенсации за нарушение исключительного права. Сторонники первой точки зрения полагают, что компенсация носит восстановительный характер. Согласно второй позиции компенсация носит штрафной характер. В соответствии с третьей позицией компенсация имеет двойственную правовую природу - она носит восстановительный характер, но при этом несет в себе и умеренное штрафное начало.

Все три перечисленных подхода к правовой природе компенсации в разное время находили свое отражение в актах высших судебных инстанций.

С учетом разъяснений, содержащихся в постановлениях Конституционного Суда РФ, актуальным и подлежащим применению на практике следует считать третий подход, предполагающий двойственную природу компенсации: цель восстановления имущественного положения правообладателя сочетается с целями превенции новых нарушений и наказания нарушителя.

В то же время в судебных актах нижестоящих инстанций достаточно сложно обнаружить четкую позицию по вопросу о правовой природе компенсации. Встречающиеся в постановлениях по конкретным делам суждения по данному вопросу носят довольно общий характер, из них неочевидно, каким образом природа компенсации влияет на присуждение в пользу правообладателей конкретных денежных сумм.

Анализ существующей в отечественном юридическом сообществе дискуссии о правовой природе компенсации показывает, что та или иная позиция высказывается относительно компенсации как способа защиты исключительного права в целом, без учета особенностей ее видов.

Данный подход нам представляется неточным и в целом ошибочным, поскольку он не учитывает специфику каждого вида компенсации. И с содержательной точки зрения, и в части происхождения каждая из трех разновидностей компенсации достаточно сильно отличается друг от друга. Поиск ответа на вопрос о правовой природе компенсации за нарушение исключительного права следует начинать с анализа каждой из ее разновидностей и лишь потом переходить к формулированию общих выводов.

В третьем параграфе третьей главы исследуются особенности компенсации за нарушение исключительного права в твердом размере.

Компенсация в твердом размере предполагает установление в законе диапазона, в пределах которого правообладатель вправе требовать от нарушителя исключительного права денежного возмещения. В большинстве правовых систем, в которых предусмотрен данный способ защиты, в законе устанавливаются минимальная и максимальная границы компенсации. В законодательстве некоторых стран предусмотрена лишь максимальная граница.

Прототипом компенсации за нарушение исключительного права в твердой сумме являются статутные убытки – вид заранее оцененных убытков, размер или порядок определения размера которых установлен законом.

В зарубежной литературе рассматриваемая разновидность статутных убытков часто критикуется, прежде всего, в контексте ее применения в судебной практике. Высказываются предложения относительно необходимости закрепления четких критериев определения размера статутных убытков, не допускающих взыскания несоразмерных сумм. Иногда исследователи высказываются за упразднение данного института.

Сложность и дискуссионность вопроса о правовой природе компенсации за нарушение исключительного права на практике приводит к отсутствию определенности в вопросе о том, каким образом должен в каждом конкретном случае определяться размер компенсации в условиях установленного в законе диапазона «от и до». С одной стороны, для судебной практики 2010 – 2020-х гг. характерно существенное снижение судами сумм компенсаций, взыскания которых требуют правообладатели с нарушителей. В большинстве случаев такое снижение имеет место тогда, когда правообладатель требует компенсацию, значительно превышающую минимальную. С другой стороны, достаточно часто взыскиваемые суммы

компенсаций оказываются несоразмерно высокими по отношению к последствиям совершенных нарушений.

Обращение к истории появления статутных убытков, уяснение причин их появления показывают, что данный вид компенсации носит, прежде всего, восстановительный характер. Ключевая идея статутных убытков и компенсации в твердой сумме состоит в том, чтобы возместить причиненные правообладателю убытки в ситуации, когда их доказывание является чрезмерно обременительным или трудновыполнимым.

Компенсация в твердом размере носит восстановительный характер с умеренно штрафным началом. Судам необходимо устанавливать размер действительных или вероятных убытков, которые понес правообладатель в результате нарушения исключительного права. Этот критерий должен быть основным при решении вопроса об определении компенсации в твердом размере. Отталкиваясь от данного размера, суд может выйти на конкретную сумму компенсации с учетом пределов и критериев, установленных законом и выработанных судебной практикой.

Отдельную проблему применения компенсации в твердом размере образуют ситуации одновременного использования нарушителем нескольких или множества охраняемых объектов. В течение длительного периода времени ключевой нормой, рассчитанной на данные ситуации, являлась норма абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК с учетом разъяснений, данных в Постановлении Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. №28-П. Однако в 2025 году Законом №214-ФЗ данная норма была упразднена, при этом закреплена норма подп. 1 п. 4 ст. 1252.1 ГК, в соответствии с которой при множественности объектов интеллектуальной собственности, использованных нарушителем, максимальная совокупная компенсация за нарушения исключительных прав на все объекты может составлять не более двукратной максимальной компенсации в твердом размере.

Представляется, что данная новелла едва ли способна решить проблему определения размера компенсации в твердом размере при множественности нарушений исключительных прав. Во-первых, она рассчитана на случаи множественности объектов интеллектуальной собственности, зафиксированных на одном материальном носителе и не распространяется на использование электронных копий объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет. Во-вторых, данная норма вряд ли станет ключом к решению общей проблемы несоразмерности гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, поскольку вопрос о соразмерности компенсации последствиям нарушения исключительного права часто возникает тогда, когда сумма требуемой правообладателем компенсации не стремится к верхней границе.

В четвертом параграфе третьей главы исследуются особенности компенсации за нарушение исключительного права в виде кратной стоимости права использования объекта интеллектуальной собственности.

Рассматриваемый вид компенсации является подходящим способом защиты, прежде всего, для так называемых «непрактикующих правообладателей», которые сами непосредственно не используют охраняемый объект, но при этом получают доход от его использования другими лицами на основании соответствующих договоров. Кроме того, данный вид компенсации может быть востребован правообладателями, которые используют объект интеллектуальной собственности, но при этом не претендуют на эксклюзивность на рынке.

Для корректного применения компенсации данного вида важнейшей задачей является установление стоимости права использования объекта интеллектуальной собственности, которая может быть положена в основу расчета компенсации. Данная стоимость может быть установлена, как минимум, тремя способами.

Первый из них, который можно условно именовать «объективным», предполагает оценку стоимости права использования через оценку стоимости исключительного права на соответствующий объект интеллектуальной собственности посредством привлечения специалиста по оценке интеллектуальных прав.

Второй способ определения стоимости права использования, который также может быть условно назван «объективным» или «рыночным», предполагает определение рыночной стоимости права использования с учетом известной стоимости аналогичных прав использования в данной местности.

Третий способ определения стоимости права использования, который условно может быть назван «субъективным», предполагает учет договорной практики данного правообладателя, который обращается за защитой исключительного права. Если правообладатель ранее заключал с третьими лицами лицензионные договоры на использование этого или аналогичного объекта, то цена этого договора может быть использована в качестве стоимости права использования соответствующего объекта.

Как показывает практика, чаще всего правообладатели выбирают именно третий способ определения стоимости права использования.

Для правопорядка в целом рассматриваемый способ определения стоимости права использования сопряжен со значительными рисками, в связи с чем требует внимательного критического отношения со стороны суда, рассматривающего соответствующий спор.

Во-первых, цена лицензионного договора, которую потерпевший правообладатель избрал в качестве базы для расчета компенсации, может быть установлена сторонами за предоставление лицензиату права использования, несопоставимого по своим параметрам с использованием, которое осуществил нарушитель.

Во-вторых, нельзя исключать того, что лицензионный договор, цену которого правообладатель избрал в качестве базы для расчета компенсации, является мнимой сделкой, заключенной не с целью возникновения экономических и правовых отношений по использованию объекта интеллектуальной собственности, а для того, чтобы у правообладателя имелось доказательство расчета компенсации на случай нарушения его исключительного права третьим лицом.

Проведенный анализ российского правового регулирования, правоприменительной практики, а также зарубежного законодательства на предмет наличия в нем норм о расчетной компенсации в виде кратной стоимости права использования позволяет констатировать, что появление компенсации данного вида в российском законодательстве не может считаться очевидным решением, вытекающим из общепризнанного в мировом или европейском масштабе подхода. Компенсация в виде кратной стоимости права использования встречается в зарубежном законодательстве достаточно редко.

Компенсация рассматриваемого вида, с одной стороны, носит восстановительный характер, поскольку предполагает взыскание с нарушителя суммы, рассчитываемой на основе размера вознаграждения, которое причиталось бы правообладателю при правомерном использовании данного объекта. С другой стороны, компенсация данного вида несет в себе умеренное штрафное начало, поскольку предполагает умножение суммы гипотетического вознаграждения правообладателя на небольшой повышающий коэффициент. Применение такого коэффициента в целом кажется разумным с учетом того, что у пользователей должен быть стимул соблюдать исключительные права, а не нарушать их.

Перспективы развития рассматриваемого вида компенсации в российском законодательстве нам представляются недостаточно однозначными, в связи с чем можно наметить два направления дальнейшего развития института расчетной компенсации рассматриваемого вида в российском праве.

Первое из них предполагает сохранение данного института в действующем законодательстве. В этом случае налицо необходимость его совершенствования.

Во-первых, расчетная компенсация, как и компенсация в твердом размере, должна основываться на идее об ее умеренно штрафном характере. Во избежание крайностей представляется целесообразным установление компромиссного коэффициента, который бы соответствовал идее об умеренно штрафном характере компенсации как специальной меры гражданско-правовой ответственности. Таким коэффициентом вероятнее всего мог бы стать коэффициент 1,5.

Как вариант, идея умеренного штрафного характера компенсации в виде двукратной стоимости права использования может быть реализована не посредством применения абстрактного повышающего коэффициента, а за счет умножения определенной судом однократной стоимости права использования на полуторную или двойную среднюю процентную ставку, взимаемую банками при коммерческом кредитовании. Размер ставки кредитования при таком подходе логично определять исходя из периода неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности, а также периода, в течение которого нарушитель уклонялся от выплаты компенсации в добровольном и (или) принудительном порядке.

Во-вторых, из норм ГК о расчетной компенсации неочевидно, стоимость лицензии какого вида должна приниматься в расчет при определении ее размера. Существо и природе компенсации в большей степени соответствует использование в качестве ориентира для определения ее размера стоимости неисключительной лицензии, которая, разумеется, всегда ниже, чем стоимость исключительной лицензии. Едва ли правильно ставить нарушителя, который может быть одним из многих, на место эксклюзивного пользователя, который обычно платит особую цену за эксклюзивность. В то же время исключительных случаях взыскание компенсации в размере, равном или превышающем стоимость исключительной лицензии, может быть обоснованным. Такое возможно, например, тогда, когда правообладатель не выдает лицензии на использование объекта интеллектуальной собственности третьим лицам, оберегая свою монополию на его использование, или когда правообладатель предоставляет третьим лицам только исключительную лицензию – на разный срок, территорию, способы использования.

В-третьих, следует учесть распространенный в ряде правовых порядков подход, допускающий взыскание кратной компенсации лишь в случае виновного нарушения исключительного права.

Второе возможная перспектива состоит в полном отказе от института компенсации в виде двукратной стоимости права использования. Подобное возможное решение имеет под собой определенные основания. Как уже отмечалось, в законодательстве большинства развитых стран данный вид компенсации не предусмотрен. Кроме того, рассматриваемый вид компенсации непросто в применении, поскольку он требует от суда тщательного изучения обстоятельств нарушения, их сопоставления с условиями лицензионных договоров, цену которых истец берет за основу при расчете компенсации. С учетом данных факторов отказ от данной компенсации мог бы стать решением существующих проблем правоприменения.

Законом №214-ФЗ введена норма подп. 3 п. 4 ст. 1251.1 ГК, которая рассчитана на случаи взыскания компенсации за нарушение

исключительного права в размере, кратном стоимости прав использования объектов интеллектуальной собственности, которые были использованы в (на) одном контрафактном материальном носителе. Совокупный размер компенсации в таком случае определяется в размере от однократной до двукратной стоимости права использования, имеющего наибольшую стоимость.

Представляется, что рассматриваемая новелла будет лишь отчасти способствовать достижению цели соразмерности гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав. Во-первых, она рассчитана на случаи неправомерного использования объектов интеллектуальной собственности на материальных носителях, но не в цифровой среде. Во-вторых, ограничение размера компенсации стоимостью права использования лишь одного из использованных объектов, пусть и наибольшей из всех стоимостей, может привести к обратному эффекту, поскольку распределение данной суммы между всеми правообладателями, объекты которых были использованы нарушителем, во многих случаях приведет ко взысканию сумм в размере меньшем (иногда даже значительно меньшем), чем убытки каждого конкретного правообладателя.

В пятом параграфе третьей главы исследуются особенности компенсации за нарушение исключительного права в виде кратной стоимости контрафактных товаров (экземпляров).

Поскольку компенсация данного вида позволяет взыскать с нарушителя двойной доход, который он получил или намеревался получить от реализации контрафакта, она имеет общие черты с таким способом защиты гражданских прав, как изъятие доходов нарушителя (абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК) и, в сущности, является его разновидностью.

В связи с содержательной близостью рассматриваемых требований правовая природа компенсации в виде кратной стоимости контрафакта, на наш взгляд, производна от правовой природы изъятия доходов нарушителя.

Если требование о взыскании полученных нарушителем доходов, опираясь на буквальное толкование абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК, рассматривать в традиционном ключе – как составляющее более общего требования о возмещении убытков (упущенной выгоды) потерпевшего, то в этом случае вопрос о природе и условиях применения компенсации рассматриваемого вида должен решаться так же, как он решается применительно к двум другим видам компенсации за нарушение исключительного права. Компенсацию в виде кратной стоимости контрафакта при таком подходе следует считать специальным способом защиты исключительного права – мерой гражданско-правовой ответственности, альтернативной по отношению к возмещению убытков и применимой только при их наличии.

Если требование, предусмотренное в абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК, рассматривать как самостоятельный способ защиты гражданских прав, отличный от возмещения убытков, базирующийся не столько на идее о компенсационно-восстановительном характере гражданско-правовой ответственности, сколько на принципах справедливости и добросовестности, то вопрос о правовой природе и условиях применения компенсации рассматриваемого вида должен решаться иначе. Компенсацию в виде кратной стоимости контрафакта при таком подходе следует считать специальным способом защиты исключительного права, альтернативным по отношению к возмещению убытков и применимым независимо от их наличия или отсутствия.

На наш взгляд, компенсация в виде кратной стоимости контрафакта, равно как и общегражданский способ защиты – изъятие доходов нарушителя в своей содержательной и функциональной части в большей степени тяготеют к кондикционному требованию, нежели к мере гражданско-правовой ответственности. В основе рассматриваемых способов защиты лежит не столько идея восстановления имущественного положения потерпевшего, сколько идея недопустимости обогащения нарушителя за счет использования чужого имущества (имущественных прав). В отличие от двух других разновидностей альтернативной компенсации за нарушение исключительного права компенсация в виде кратной стоимости контрафакта нацелена, прежде всего, на лишение нарушителя полученной выгоды от неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности.

Компенсация в виде кратной стоимости контрафактных товаров (экземпляров), которая изначально была предназначена для нарушения исключительных прав в реальном мире, при определенных условиях может и должна быть адаптирована под нарушения, совершаемые в информационном пространстве. Это возможно, например, в ситуации, когда установлено, что нарушитель получил доход непосредственно от неправомерного использования в сети Интернет объекта интеллектуальной собственности (платный онлайн-доступ, платное скачивание). С нарушителя в таком случае на основании норм о компенсации в виде двукратной стоимости контрафакта может быть взыскан двойной доход, полученный им от непосредственного использования объекта интеллектуальной собственности.

Специфика применения рассматриваемого вида компенсации к нарушениям, совершаемым в цифровой среде, должна заключаться в том, что с нарушителя может быть взыскан в двойном размере только фактически полученный им доход. Доход, который он только рассчитывал получить, взыскиваться не должен, поскольку цифровая среда не предполагает конечность использования объекта интеллектуальной

собственности. Используемые в цифровой среде технологии позволяют нарушителю предоставлять третьим лицам возможность для неограниченного количества скачиваний и просмотров электронной копии объекта. Говорить о количественных границах нарушения (тираже, партии и т.п.) в данном случае не приходится.

Компенсация в виде кратной стоимости контрафакта должна применяться, прежде всего, в случаях, на которые она и рассчитана – при неправомерном использовании объекта интеллектуальной собственности в или на той или иной вещи (товаре, экземпляре). Ее распространение на случаи неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности при выполнении работ или оказании услуг, по общему правилу, допускаться не должно в связи с чрезмерным объемом имущественных последствий, который такое распространение может повлечь.

Один из главных вопросов, который возникает при применении компенсации рассматриваемого вида, состоит в том, следует ли при определении базы для расчета компенсации учитывать иные факторы, повлиявшие на стоимость товара (экземпляра), что в результате может повлечь корректировку базы – умножение на повышающий коэффициент стоимости контрафакта за вычетом определенной части.

Издержки нарушителя справедливо учитывать, как минимум, в ситуации, когда они носили не обычный, сопутствующий производству или распространению данного товара характер, а объективно и значительно увеличивали его стоимость. Например, нарушитель использовал дорогостоящие материал или технологию для изготовления контрафакта или использовал на (в) нем иные, не менее, а может быть и более значимые или популярные объекты интеллектуальной собственности. Если нарушитель представит доказательства того, что иные факторы, помимо несанкционированного использования объекта интеллектуальной собственности, существенно повлияли на стоимость контрафакта, то их следует учитывать при определении базы для расчета компенсации данного вида.

Заметно усложняет задачу определения размера компенсации рассматриваемого вида одновременное использование нескольких объектов интеллектуальной собственности, которое является широко распространенным явлением. На одном материальном носителе, предлагаемом к продаже, могут содержаться копии различных объектов интеллектуальной собственности.

С теоретической точки зрения в данном случае возможны два подхода.

Первый подход основывается на критерии количества совершенных правонарушений. Поскольку имеют место нарушения прав на несколько объектов интеллектуальной собственности, за использование каждого из них подлежит взысканию отдельная компенсация. Это означает, что за каждый использованный объект с нарушителя может быть взыскана двукратная стоимость контрафакта.

Второй подход предполагает учет особенностей компенсации рассматриваемого вида, размер которой зависит, главным образом, от стоимости контрафакта. Использование копий нескольких объектов интеллектуальной собственности в одном товаре, как правило, должно увеличивать его стоимость, которая является основным критерием определения базы для расчета компенсации данного вида. Если итоговая цена товара зависит от количества использованных в (на) нем объектов интеллектуальной собственности, то при неправомерном использовании таких объектов будет обоснованным взыскание за каждый из использованных объектов не всей стоимости товара, а ее соответствующей части. Размер данной части должен определяться пропорционально объему использования каждого объекта.

Более обоснованным видится второй из рассмотренных подходов. Поскольку в подавляющем большинстве случаев количество использованных на товаре (экземпляре) объектов интеллектуальной собственности влияет на его стоимость, база для расчета компенсации рассматриваемого вида должна определяться с учетом данного обстоятельства.

Актуальным является вопрос о том, вправе ли правообладатель требовать выплаты компенсации в виде кратной стоимости контрафакта с нескольких распространителей товара, которые действовали не совместно, а независимо друг от друга, совершая последовательные действия по его перепродаже.

При ответе на данный вопрос следует, прежде всего, учитывать правило об исчерпании исключительного права, в соответствии с которым последующее распространение товара, введенного в оборот с согласия правообладателя, не требует с ним согласования. Из правила об исчерпании вытекает, что при правомерном введении товара в оборот правообладатель утрачивает право на получение дохода от его последующего распространения. Как следствие, при неправомерном введении товара в оборот у правообладателя, по общему правилу, не возникает дополнительной упущенной выгоды от последующего неправомерного распространения товара, поскольку при правомерном последующем распространении товара он бы не мог претендовать на дополнительный доход. По этой логике взыскание компенсации и, тем более,

рассматриваемого вида с каждого из распространителей-нарушителей, по общему правилу, недопустимо. Она может быть взыскана с лица, которое неправомерно ввело товар в оборот, либо с одного из последующих распространителей, но не с каждого из них.

Тем не менее, законодатель в норме п. 8 ст. 1252.1 ГК в ред. Закона №214-ФЗ реализовал подход, в соответствии с которым последовательные перепродавцы контрафактного товара могут быть привлечены судом к солидарной ответственности «...при условии, что привлечение этих лиц к ответственности перед правообладателем по отдельности привело бы к его неосновательному обогащению». Данный подход представляется ошибочным по изложенным выше причинам. Дополнительные сложности применения данной нормы может вызвать необходимость установления вероятности неосновательного обогащения правообладателя при взыскании в его пользу компенсации с каждого нарушителя в отдельности.

Компенсация рассматриваемого вида используется недобросовестными правообладателями в качестве инструмента неоднократного взыскания стоимости одной и той же партии товара с одного и того же нарушителя – продавца данного товара. В подобных ситуациях нормы о компенсации рассматриваемого вида срабатывают в совокупности с положениями института правовой охраны товарных знаков, которые при наличии определенных условий позволяют регистрировать в качестве товарных знаков сходные до степени смешения обозначения на имя разных лиц (п. 6 ст. 1483 ГК). Сначала то или иное обозначение регистрируется в качестве товарного знака на имя одного лица, затем данное лицо – правообладатель дает согласие на регистрацию сходного до степени смешения обозначения на имя другого лица, которое, как правило, является аффилированным. В последующем каждый из правообладателей в случае выявления факта бездоговорного использования обозначения, сходного до степени смешения с каждым из этих знаков, предъявляет к нарушителю требование о взыскании компенсации в виде двукратной стоимости контрафакта.

Некоторое время подобные требования аффилированных правообладателей удовлетворялись судами. Ситуация изменилась после того, как Суд по интеллектуальным правам, приостановив производство по одному из таких дел, обратился в Конституционный Суд с запросом о проверке на соответствие Конституции норм п. 3 ст. 1252 и подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК.

Конституционный Суд в результате рассмотрения запроса Суда по интеллектуальным правам пришел к выводу о несоответствии указанных норм ГК Конституции РФ в той мере, в какой они в совокупности с иными положениями ГК не позволяют отказать таким правообладателям в

удовлетворении требования о взыскании компенсации в виде двукратной стоимости контрафактных товаров (экземпляров) полностью или в части.

В целом с позицией высшей судебной инстанции по данному вопросу сложно не согласиться. Вероятность того, что правообладатели, действующие таким образом, недобросовестны и преследуют исключительно цель обогащения за счет нарушителей исключительного права на товарный знак, достаточно высока. У судов в подобных ситуациях должна быть возможность как учесть данные обстоятельства при определении размера компенсации в пользу каждого из них, так и отказать им в удовлетворении заявленных требований при установлении явной недобросовестности.

Кроме того, при решении данного вопроса следует учитывать разъяснение, содержащееся в п. 68 Постановления ВС №10. Каждый из зарегистрированных недобросовестными лицами сходных товарных знаков может рассматриваться как часть одной серии, а использование любого из них – составляющей одного нарушения исключительного права. Как следствие, взыскание компенсации в пользу правообладателя одного из таких товарных знаков должно исключать последующее взыскание компенсации в пользу правообладателей остальных сходных до степени смешения товарных знаков.

После исследования особенностей отдельных видов (способов расчета) компенсации за нарушение исключительного права формулируются выводы относительно ее правовой природы.

Компенсация в твердом размере и компенсация в виде кратной стоимости права использования являются мерами гражданско-правовой ответственности и носят восстановительный характер с умеренно штрафным началом. Оба указанных вида компенсации являются воплощением в российском праве концепции статутных убытков – вида заранее оцененных убытков, критерии определения которых установлены нормативно.

Компенсация в виде кратной стоимости контрафакта имеет смешанную природу, сочетающую в себе элементы кондикционного обязательства и меры гражданско-правовой ответственности. В части, охватывающей стоимость реализованного нарушителем контрафакта, компенсация данного вида является кондикционным требованием, направленным на недопущение обогащения нарушителя за счет правообладателя. В части, в которой с нарушителя взыскивается сумма, превышающая стоимость контрафакта вследствие применения повышающего коэффициента, рассматриваемое требование является мерой гражданско-правовой ответственности. С точки зрения определения имущественных последствий применения компенсации данного вида, наступающих в имущественной сфере правообладателя, она может носить как сугубо восстановительный,

так и штрафной характер в зависимости от того, как итоговая сумма компенсации будет соотноситься с размером убытков правообладателя. В одних случаях кратная стоимость контрафакта может оказаться значительно больше чем упущенная выгода правообладателя. В других случаях данная сумма может сопоставима с убытками или оказаться даже меньше, чем убытки.

Несмотря на выявленные различия в происхождении и функциях, в качестве общей, объединяющей идеи всех трех разновидностей компенсации за нарушение исключительного права должна выступать идея недопустимости привлечения к ответственности в форме компенсации, размер которой значительно превышает размер действительных или вероятных убытков правообладателя. Компенсация как мера гражданско-правовой ответственности должна восстанавливать имущественное положение правообладателя и при этом накладывать на нарушителя умеренный штраф. Если из обстоятельств дела следует, что корректно рассчитанная правообладателем компенсация в виде двукратной стоимости контрафакта многократно превышает размер понесенных им убытков, то у суда должна быть возможность снизить размер компенсации до размера, достигающего цель восстановления и умеренного штрафа. Снижению в данном случае должна подвергаться та часть компенсации, которая выполняет функцию гражданско-правовой ответственности.

В четвертой главе «Особенности ответственности за нарушение исключительного права, к совершению которого причастны несколько лиц» исследуются институт гражданско-правовой ответственности за совместное нарушение исключительного права и институт гражданско-правовой ответственности информационного посредника за нарушение исключительного права.

В первом параграфе четвертой главы исследуются особенности гражданско-правовой ответственности за совместное нарушение исключительного права.

В соответствии с п. 6.1 ст. 1252 ГК если нарушение исключительного права совершено несколькими лицами и при этом является совместным, такие лица отвечают перед правообладателем солидарно. Содержательно данная норма дублирует известное из деликтного права правило о том, что лица, совместно причинившие вред, несут перед потерпевшим солидарную ответственность.

Основной вопрос, который возникает при толковании и применении данных норм, состоит в том, какое причинение вреда и, соответственно, нарушение исключительного права следует считать совместным.

В деликтном праве нет общепризнанного подхода к содержанию понятия «совместное причинение вреда» и, как следствие, к квалификации действий нескольких лиц, причинивших вред одному и тому же

потерпевшему. Наиболее острым и спорным является вопрос относительно необходимости учета субъективной составляющей (стороны) деликта.

Первый (узкий) подход предполагает, что совместное причинение имеет место тогда, когда совпадающие во времени и пространстве действия нескольких лиц стали основной (ключевой) причиной единого вреда, при этом данные лица действовали согласованно, осознавали, что действуют вместе, сообща. Иными словами, действия причинителей должны быть совместными не только объективно, но и субъективно. В рамках данного подхода нет полной ясности относительно того, в какой степени субъективно совместными должны быть действия нарушителей: достаточно ли собственно координации действий или же их совместные намерения (умысел) должны распространяться и на последствия совершаемых действий – причиненный потерпевшему вред.

Второй (широкий) подход предполагает, что совместное причинение есть тогда, когда совпадающие во времени и пространстве действия нескольких лиц стали основной (ключевой) причиной возникшего вреда, при этом необязательно, чтобы данные лица действовали согласованно, осознавали, что действуют вместе, сообща. Их одновременные действия могут быть вызваны стечением обстоятельств (случайность, совпадение). Иными словами, при данном подходе для квалификации действий делинквентов как совместных достаточно объективных факторов.

И действующее правовое регулирование, и судебная практика недостаточно последовательны в выборе подхода к понятию «совместное причинение вреда» и применении соответствующих норм. С некоторой натяжкой можно сказать, что в современном отечественном праве узкий подход рассматривается в качестве общего правила, при этом данное правило знает довольно много исключений, допускающих применение широкого подхода. Однако данное соотношение общего и специального правил на сегодняшний день является недостаточно четким, что приводит к известной правовой неопределенности в вопросе отграничения случаев совместного причинения вреда от простой совокупности отдельных деликтов.

Обращение к понятию «совместное причинение вреда» в контексте права интеллектуальной собственности показывает, что признаки первого (узкого) подхода можно обнаружить в достаточно лаконичных разъяснениях относительно содержания понятия «совместное нарушение исключительного права», которые содержатся в п. 71 Постановления ВС №10. Под совместным нарушением исключительного права высшая судебная инстанция понимает совместные действия нескольких лиц, направленные на достижение единого результата.

Под единым результатом судебные инстанции понимают не убытки правообладателя или иные неблагоприятные последствия, которые возникли в результате совершенного нарушения, а сами противоправные действия по использованию объекта интеллектуальной собственности.

Если оценивать узкий подход к понятию «совместное нарушение исключительного права» с содержательной точки зрения, то нетрудно заметить, что как такового единого результата, который находится за пределами действий нарушителей и к которому они стремятся, в подавляющем большинстве случаев просто нет. Совместные намерения нарушителей распространяются на действия по использованию объекта интеллектуальной собственности, в результате совершения которых каждый из них хочет извлечь свою выгоду – как правило, получить определенный доход.

Субъективная составляющая понятия «совместное нарушение исключительного права» нуждается в более точном раскрытии на уровне закона или разъяснений высшей судебной инстанции. Целесообразно отказаться от понятия «единый результат», через которое на сегодняшний день раскрывается понятие «совместное нарушение исключительного права», поскольку оно, во-первых, является недостаточно конкретным, а, во-вторых, ошибочным по сути. Вместо понятия «единый результат» следует использовать понятия, точнее характеризующие субъективную сторону действий нарушителей исключительного права, действующих совместно. В качестве таковых могут выступать понятия, используемые в судебной практике для раскрытия понятия «совместное причинение вреда», а именно «согласованность» и «скоординированность» действий нарушителей. При таком подходе совместным нарушением исключительного права следует считать согласованные действия нескольких лиц по использованию охраняемого объекта интеллектуальной собственности.

Помимо субъективной составляющей понятия «совместное нарушение исключительного права» отдельного внимания заслуживает его объективная составляющая – собственно сами совершаемые действия. Предполагает ли понятие «совместное нарушение исключительного права» совершение нарушителями действий одного или разного вида? Могут ли считаться со-нарушителями те, кто помогает, содействует использованию объекта интеллектуальной собственности, не совершая при этом действий по непосредственному использованию? Как квалифицировать использование, которое осуществляется не в своем интересе, а в чужом - в связи с исполнением обязательств по гражданско-правовому договору, выполнением обязанностей по трудовому договору? Эти и другие вопросы возникают в ситуациях, когда к нарушению исключительного права оказываются так или иначе причастны двое или более лиц.

В последние годы судебная практика по вопросу о том, предполагает ли совместное нарушение исключительного права использование объекта всеми нарушителями одним способом или различными способами, достаточно противоречива. В одних случаях суды квалифицируют нарушение как совместное не только тогда, когда двое или более лиц совершают одни и те же действия (действия одного вида), но и тогда, когда они совершают разные действия. В других случаях в качестве совместного нарушения квалифицируются только действия одного вида.

С содержательной точки зрения ни один из приведенных подходов к понятию «совместное нарушение исключительного права» в контексте количества способов, которыми используется объект, и его соотношению со случаями самостоятельных последовательных нарушений исключительного права, не представляется оптимальным. При определении количества нарушений исключительного права в ситуации, когда в неправомерном использовании объекта интеллектуальной собственности задействовано несколько лиц, следует руководствоваться таким же подходом, как и в ситуации, когда неправомерное использование объекта осуществляется одним лицом. Как известно, по общему правилу неправомерное использование объекта интеллектуальной собственности каждым способом представляет собой отдельное нарушение исключительного права. Соответственно по общему правилу совместным нарушением исключительного права должно считаться лишь такое, при котором двое или более лиц участвуют в использовании объекта одним и тем же способом. Если же использование объекта объединено одной экономической целью (абз. 2 п. 56 Постановления ВС №10), то такую совокупность действий следует считать одним совместным нарушением исключительного права несмотря на то, что каждый из со-нарушителей совершал действия разного вида.

Особую сложность представляют ситуации, при которых к совершению нарушения исключительного права оказываются причастны лица, тем или иным образом содействующие непосредственному нарушителю. Для осуществления неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности нарушитель нередко пользуется товарами, работами или услугами третьих лиц, без которых нарушение бы не состоялось.

В российском праве интеллектуальной собственности понятие «косвенное нарушение» не разработано. В законодательстве и разъяснениях высшей судебных инстанций оно не упоминается. В литературе можно обнаружить несколько работ, в которых исследуются отдельные аспекты ответственности за косвенные нарушения исключительных прав с опорой на зарубежный опыт правового регулирования и правоприменения.

Обращение к современному правовому регулированию и судебной практике показывает, что за последние десять лет подход к правовой квалификации действий лиц, причастных, оказывающих содействие в нарушении исключительного права, несколько изменился. На сегодняшний день в российском праве интеллектуальной собственности можно обнаружить явные проявления института ответственности за косвенные нарушения интеллектуальных прав.

Прежде всего, к косвенным нарушителям могут быть отнесены информационные посредники, нормы об ответственности которых появились в части четвертой ГК с 01 августа 2013 г. – спустя несколько лет после того, как особенности их правового положения и условий ответственности были выявлены в судебной практике. Другим примером проявления концепции ответственности за косвенное нарушение исключительных прав является разъяснение, содержащееся в абз. 3 п. 73 Постановления ВС №10, по смыслу которого лицо, к работам или услугам которого прибегнул «основной» нарушитель исключительного права, может быть привлечено к ответственности при условии, что оно знало или должно было знать о неправомерности использования объекта интеллектуальной собственности. Причем косвенный нарушитель несет в таком случае не самостоятельную, а солидарную с основным нарушителем ответственность.

Модель регулирования отношений, возникающих в связи с нарушением исключительного права, в совершение которого вовлечены двое или более лиц, может быть следующей.

Лица, которые непосредственно использовали без согласия правообладателя объект интеллектуальной собственности одним способом или несколькими способами в рамках одной экономической цели (нарушители одного порядка), должны отвечать солидарно при установлении факта согласованности их действий и независимо от намерения причинить правообладателю убытки или иные неблагоприятные последствия.

В ситуации, когда есть основной нарушитель исключительного права (организатор, заказчик) и содействующий ему нарушитель (пособник, исполнитель), данные лица также должны отвечать солидарно, но при условии, что содействующий (косвенный) нарушитель знал и сознательно содействовал нарушению или должен был знать о нарушении. Устанавливать раздельную ответственность основного и косвенного нарушителей не следует, поскольку их действия предопределяют, дополняют друг друга и влекут общие негативные для правообладателя последствия. Данный подход должен быть распространен, в том числе, на случаи нарушения исключительного права пользователем объекта интеллектуальной собственности (основной нарушитель) при содействии информационного посредника (косвенный нарушитель).

Во втором параграфе четвертой главы исследуются особенности гражданско-правовой ответственности информационного посредника за нарушение исключительного права.

В последние годы сложилась обширная судебная практика применения норм о гражданско-правовой ответственности информационного посредника. При этом данная практика является достаточно противоречивой во многих аспектах, в том числе в вопросе о круге лиц, которые могут быть отнесены к категории «информационный посредник».

Отсутствие универсального легального определения информационного посредника не является серьезной проблемой правового регулирования и применения. Раскрытие данного понятия через перечисление его разновидностей в контексте специальных условий ответственности является вполне логичным решением. Другое дело, что такое раскрытие посредством классификации должно быть точным и логичным, чтобы соответствующие нормы могли быть применены. К сожалению, на сегодняшний день закрепленная в ст. 1253.1 ГК классификация информационных посредников не соответствует данным признакам и нуждается, на наш взгляд, в корректировке.

Наиболее приемлемым нам представляется деление информационных посредников на более конкретные разновидности с использованием более точной терминологии для их обозначения. К таковым следует отнести, прежде всего, владельца онлайн-платформы - социальной сети, маркетплейса или иного сайта, пользователи которого имеют техническую возможность размещения различных файлов для всеобщего доступа. На сегодняшний день это важнейший участник экономических отношений, деятельность которого осуществляется, прежде всего, посредством использования информационных технологий. Кроме того, представляется целесообразным отдельное выделение таких разновидностей информационного посредника, как хостинг-провайдер, Интернет-провайдер (оператор, оказывающий услуги Интернет связи), владелец сайта – общедоступной поисковой системы, а также регистратор доменных имен – как в части использования в доменном имени обозначений, сходных до степени смешения с охраняемыми средствами индивидуализации, так и в отношении случаев неправомерного использования объектов интеллектуальной собственности на страницах сайта, к которому адресуется соответствующий домен.

Ключевая особенность гражданско-правовой ответственности информационного посредника за нарушение исключительного права состоит в том, что она наступает на началах вины (п. 1 ст. 1253.1 ГК). О наличии или отсутствии вины должно свидетельствовать его знание (незнание) или долженствование знания (отсутствие такового) о нарушении интеллектуальных прав третьих лиц, а также совершение или несвершение им определенных действий, которые указаны в нормах закона и (или) выработаны в судебной практике.

Информационный посредник несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав, если он знал или должен был знать о неправомерности использования соответствующего объекта. Формула «знал или должен был знать» свидетельствует о том, что он отвечает за умысел или грубую неосторожность, но не отвечает за простую неосторожность, когда он не должен, но мог знать о том, что соответствующее использование нарушает исключительного права другого лица.

Для установления наличия или отсутствия вины информационного посредника в большинстве случаев необходимо также учитывать его поведение после того, как он узнал о нарушении исключительного права из претензии правообладателя.

Незнание информационного посредника о факте нарушения исключительного права, совершенного другим лицом – пользователем объекта интеллектуальной собственности в сущности означает отсутствие умысла посредника на содействие в совершении данного нарушения. Принимая во внимание частоту и количество совершаемых пользователями сети Интернет действий, можно утверждать, что в большинстве случаев информационный посредник действительно не знает о том, нарушают ли действия того или иного пользователя, которому он содействует в размещении информации в Сети, интеллектуальные права третьих лиц.

Отсутствие долженствования знания информационного посредника о нарушении исключительного права, совершаемым третьим лицом, означает отсутствие его вины в совершении нарушения исключительного права в форме грубой неосторожности.

Ситуация, при которой он не знает, но должен был знать о нарушении, является не очень распространенной в силу большого объема информации, в распространении которой он содействует. Такое возможно в случае, когда соответствующая информация должна была быть известна ему из открытых источников при ее широком освещении либо из специальных источников, с которой он должен знакомиться в силу особенностей деятельности. Кроме того, долженствование знания о нарушении может следовать из характера деятельности информационного посредника и особенностей использования охраняемых объектов, которому он содействует.

Для установления наличия или отсутствия вины информационного посредника в большинстве случаев необходимо также учитывать его поведение после того, как он узнал о нарушении исключительного права из претензии правообладателя. Информационный посредник должен доказать, что после того, как он узнал о нарушении исключительного права, он своевременно принял необходимые и достаточные меры для пресечения нарушения.

Действующие правила о сроке, в течение которого информационный посредник обязан отреагировать на заявление правообладателя о выявленном нарушении, равно как и практика их применения представляются недостаточно определенными и во многом противоречивыми.

С целью устранения неопределенности и противоречивости регулирования представляется целесообразным закрепить в действующем законодательстве и последующее последовательное применение одной из двух моделей определения рассматриваемого срока.

В качестве первой модели можно выделить модель разумного срока. Это оптимальная модель, позволяющая учитывать детали конкретной ситуации. Однако ее внедрение должно сопровождаться нормой или разъяснениями о том, что счет должен идти на часы и дни, а не на недели и месяцы. С учетом темпа современной жизни, скорости распространения информации в цифровой среде вряд ли правильно считать своевременной реакцию посредника, которая последовала через несколько недель или месяцев после получения претензии правообладателя.

Вторая возможная модель регулирования - модель нормативно определенного срока с исключениями. Она предполагает выработку общего правила об определенном сроке пресечения информационным посредником нарушения, которое бы распространяло свое действие на все виды объектов интеллектуальной собственности, неправомерно используемые в Интернете. Такой общий срок мог бы составлять 24 часа с момента получения претензии правообладателя. В качестве исключения более поздняя реакция посредника может быть признана своевременной в особых ситуациях, требующих от получателя претензии повышенных усилий. Например, претензия правообладателя относится сразу ко множеству охраняемых объектов, использованных на соответствующем ресурсе, или ко множеству ресурсов или его версий, администрируемых одним ответчиком, или претензия заявлена в отношении использования объекта не в оригинальной форме (использование объекта авторских прав в переработанном виде, в составе сложного объекта, использование средства индивидуализации, сходного до степени смешения со средством индивидуализации правообладателя).

При определенных достоинствах обеих моделей первая представляется более предпочтительной.

Вменение информационному посреднику обязанности по осуществлению автоматической превентивной модерации представляется обоснованным с учетом характера его деятельности. Если информационным посредником является владелец сайта, на котором третьи лица имеют техническую возможность размещать копии объектов интеллектуальной

собственности (владелец социальной сети, маркетплейса, иной онлайн-платформы), то от такого посредника разумно требовать принятия превентивных мер, направленных на недопущение нарушений, поскольку именно он в наибольшей степени заинтересован в функционировании соответствующего информационного ресурса, администрирует его, определяет правила его использования и контролирует их соблюдение. Если же речь идет об информационном посреднике – хостинг-провайдере, операторе связи, регистраторе доменных имен, операторе поисковой системы, то от такого лица вряд ли разумно требовать внедрения технологии превентивной модерации. Данные лица не являются владельцами соответствующих информационных ресурсов, на которых размещаются копии объектов интеллектуальной собственности, их не администрируют и в целом имеют к ним опосредованное отношение. С технологической точки зрения внедрение программно-аппаратных инструментов, которые будут в автоматическом режиме предотвращать неправомерную загрузку копий объектов интеллектуальной собственности на информационные ресурсы, для них может оказаться значительно более проблематичным и обременительным, нежели для владельцев конкретных информационных ресурсов.

В пятой главе «Особенности ответственности за нарушения исключительного права, осложненные относительными правоотношениями правообладателя с третьими лицами» рассматриваются особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, обремененного правом из лицензионного договора, переданного в доверительное или коллективное управление, при сублицензировании без согласия лицензиара.

В первом параграфе пятой главы исследуются особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, обремененного правом из лицензионного договора.

Из содержания ст. 1254 ГК следует, что она не рассчитана на охрану интересов неисключительного лицензиата и не распространяется на отношения, возникающие между неисключительным лицензиатом и третьим лицом, неправомерно использующим объект лицензионного договора. Если право использования, предоставленное исключительному лицензиату, в силу прямого указания закона пользуется абсолютной защитой, то в отношении права использования, принадлежащего неисключительному лицензиату, подобного правила в ст. 1254 ГК не установлено.

Несмотря на относительный характер права неисключительного лицензиата, полагаем, что оно пользуется абсолютной защитой - защитой против третьих лиц. Разделяя встречающуюся в литературе критику отсутствия в действующем законодательстве специального механизма защиты интересов неисключительного лицензиата, а также соглашаясь с

тезисом о том, что неисключительный лицензиат в подобной ситуации вправе предъявить требование о возмещении убытков к не реагирующему на нарушение лицензиару, считаем, что и в условиях действующего правового регулирования неисключительный лицензиат вправе защищать принадлежащее ему право использования посредством предъявления к третьему лицу требований, предусмотренных ст. 12 ГК.

Одним из центральных является вопрос о соотношении охранительных требований правообладателя и исключительного лицензиата в части условий, порядка и последствий их предъявления и последующего удовлетворения судом. Данный вопрос возникает в связи с тем, что рассматриваемая норма ст. 1254 ГК прямо допускает ситуацию, при которой требования к нарушителю, предусмотренные ст. 1250 и 1252 ГК, могут быть предъявлены как исключительным лицензиатом, так и самим правообладателем (лицензиаром).

Представляется, что решение данного вопроса зависит, прежде всего, от содержания лицензионного договора в части условия о сохранении или несохранении за лицензиаром права использования объекта способами, в отношении которых предоставляется лицензия. Если правообладатель согласно условиям договора исключительной лицензии сохранил за собой данное право, то при несанкционированном использовании объекта третьим лицом в его имущественной сфере в большинстве случаев наступают убытки в виде упущенной выгоды, возмещения которых он вправе требовать. Соответственно в этой ситуации ему, как и исключительному лицензиату, доступны, в том числе, имущественные требования - взыскание убытков, компенсации в установленных законом пределах. В ситуации, когда лицензионный договор не содержит условия о сохранении за лицензиаром права использования объекта, правообладатель, по общему правилу, закрепленному в п. 1.1 ст. 1236 ГК, не вправе использовать объект и, следовательно, не несет имущественных потерь, связанных с использованием объекта третьим лицом. В подобной ситуации он вправе прибегнуть к способам защиты, не являющимся мерами гражданско-правовой ответственности. Что касается имущественных требований, то они, на наш взгляд, доступны лицензиару, не сохранившему за собой право использования, при причинении ему репутационного вреда, например, в связи с низким качеством распространяемых нарушителем контрафактных товаров. Кроме того, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации в случае, если лицензионным договором предусмотрено его право на получение вознаграждение в виде процента от дохода лицензиата. Действия нарушителя с большой долей вероятности приведут к падению доходов лицензиата, что, в свою очередь, скажется на размере роялти, которое будет выплачено правообладателю.

Законом №214-ФЗ установлено правило о солидарном характере требований правообладателя и исключительного лицензиата (п. 2 ст. 1254 ГК в ред. Закона №214-ФЗ). Данная новелла представляется достаточно прямолинейным решением проблемы соотношения требований правообладателя и исключительного лицензиата, поскольку она не учитывает содержание лицензионного договора между указанными лицами. В частности, она не учитывает ситуацию, при которой за лицензиаром (обладателем исключительного права) не сохраняется право использования объекта лицензионного договора в период его действия и, как следствие, у него не возникают убытки в случае нарушения исключительного права. Предоставлять в таком случае обладателю исключительного права право на половину суммы компенсации, взысканной с нарушителя, как это предполагает норма п. 2 ст. 1254 ГК в ред. Закона №214-ФЗ с учетом п. 4 ст. 326 ГК, представляется решением ошибочным, необоснованно ущемляющим интересы исключительного лицензиата.

Обращение к законодательству государств – ключевых представителей романо-германской и англо-саксонской правовых систем позволяет выявить, по крайней мере, три модели соотношения охранительных требований правообладателя и исключительного лицензиата: 1) самостоятельное предъявление требований правообладателем и лицензиатом, 2) предъявление требования правообладателем и (или) лицензиатом с согласия правообладателя, 3) предъявление требования правообладателем или лицензиатом после уведомления правообладателя о нарушении и бездействии последнего.

Наиболее сбалансированным мог бы стать подход, предполагающий самостоятельность правообладателя и исключительного лицензиата в решении вопроса о защите своих прав при условии обязательного уведомления друг друга о принятых защитных мерах, по крайней мере, осуществляемых в юрисдикционной форме. Данная модель, с одной стороны, оставляет решение вопроса о защите нарушенных прав на усмотрение каждой из сторон лицензионного договора, и, в то же время, минимизирует риски, связанные с последующей отменой судебных актов, принятых в пользу одной из сторон лицензионного договора без участия в деле другой стороны.

Во втором параграфе пятой главы рассматриваются особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, переданного в доверительное управление.

Закрепленная в российском законодательстве конструкция доверительного управления предполагает, что доверительный управляющий не становится обладателем передаваемого в управление права, при этом он вправе его осуществлять. Данной конструкции не противоречит, а, напротив, логично ее развивает правило о том, что в случае

нарушения исключительного права доверительный управляющий вправе его также защищать.

Определенный интерес представляет вопрос о том, сохраняет ли правообладатель в период действия договора доверительного управления право на защиту исключительного права. В п. 49 Постановления ВС №10 на данный вопрос дан отрицательный ответ. Как разъяснила высшая судебная инстанция, «учредитель доверительного управления, передавший исключительное право в доверительное управление, самостоятельно пользоваться предусмотренными Гражданским кодексом Российской Федерации мерами защиты не вправе».

Рассматриваемое разъяснение с содержательной точки зрения представляется весьма неоднозначным. С одной стороны, понятна его цель – избежать путаницы и лишних издержек, которые могут возникнуть в случае предъявления и правообладателем, и доверительным управляющим одних и тех же требований к одним и тем же лицам по одним и тем же фактам нарушения исключительного права. С другой стороны, данное разъяснение напрямую не следует из норм ГК о доверительном управлении имуществом. При этом оно заметно усложняет положение правообладателя – учредителя управления, контрагент которого прилагает недостаточно усилий к защите нарушенного права.

В рассматриваемой ситуации правообладателю должны быть доступны, по крайней мере, требования неимущественного характера, такие как признание права, пресечение действия, нарушающего права или создающего угрозу нарушения, изъятие и уничтожение контрафакта. Что касается имущественных требований – о возмещении убытков, взыскании компенсации, то они должны быть доступны правообладателю, как минимум, в ситуации очевидного бездействия доверительного управляющего, с которым по тем или иным причинам договор по-прежнему сохраняет действие.

В третьем параграфе пятой главы исследуются особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, переданного в коллективное управление.

Действующее законодательство содержит предельно краткие нормы об особенностях защиты нарушенных авторских и смежных прав, находящихся в коллективном управлении. Ряд разъяснений, их конкретизирующих, содержатся в п. 18 - 20 Постановления ВС №10. Так, аккредитованная организация коллективного управления вправе от своего имени предъявлять требования о заключении, исполнении или расторжении договора о выплате вознаграждения за свободное использование объектов авторских и смежных прав, о применении мер ответственности за нарушение указанного договора, об обязанности предоставить сведения,

необходимые для обеспечения выплаты вознаграждения при перепродаже оригиналов произведений изобразительного искусства, авторских рукописей (автографов) литературных и музыкальных произведений. От имени неопределенного круга правообладателей аккредитованная организация вправе предъявлять требования о выплате вознаграждения за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений исключительно в личных целях. Требования организации коллективного управления, которые могут быть ею предъявлены в связи с внедоговорными нарушениями находящимися в управлении прав (прежде всего, требования о взыскании компенсации за нарушение исключительного права), должны предъявляться от имени конкретных правообладателей.

Дифференцированный подход к статусу организаций коллективного управления при принятии ими мер по защите авторских и смежных прав правообладателей представляется едва ли оправданным. Основной причиной данного подхода является норма абз. 1 п. 5 ст. 1242 ГК, в соответствии с которой организации по управлению правами на коллективной основе вправе защищать права, которые находятся у нее в управлении, от имени правообладателей или от своего имени. Вариативность, заложенная в этой норме, создает неопределенность в статусе организации коллективного управления в случае ее участия в охранительных правоотношениях. Данная неопределенность привела к тому, что со временем в судебной практике нашли применение обе модели.

Более простым и конструктивным решением рассматриваемой проблемы станет закрепление в ГК нормы о том, что организация коллективного управления вправе обращаться в суд и принимать иные защитные меры в отношении находящихся в ее управлении прав от собственного имени. Конструкция, при которой специальный субъект вправе защищать чужие права, действуя от собственного имени, коррелирует с соответствующими нормами процессуального законодательства (п. 2 – 5 ст. 53 АПК). При таком подходе организация коллективного управления сохранит статус процессуального истца, а правообладатели, в интересах которых предъявлен иск – статус истцов в материально-правовом смысле. Данный подход может быть использован для всех случаев нарушения авторских и смежных прав, находящихся в коллективном управлении соответствующей организации – как договорных, так и внедоговорных.

В четвертом параграфе пятой главы исследуются особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права при предоставлении лицензиатом сублицензии без согласия правообладателя (лицензиара).

Согласие лицензиара на предоставление лицензии представляет собой разновидность согласия третьего лица на совершение сделки, которое, в

свою очередь, является разновидностью односторонней сделки. Данное согласие является условием действительности сделки по предоставлению сублицензии, однако, при этом, оно не образует с ней юридического состава, порождающего у сублицензиата право использования.

Центральным в контексте настоящего исследования и важным с практической точки зрения является вопрос о последствиях предоставления сублицензии без согласия лицензиара. Нормы части четвертой ГК, равно как и разъяснения высших судебных инстанций прямого ответа на него не содержат.

До 01 октября 2013 года – даты введения в действие Федерального закона №100-ФЗ от 07 мая 2013 г. «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела 1 части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» нормы ГК не содержали специального состава недействительности сделки, заключенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица. Соответственно сделка, совершенная без согласия третьего лица, подпадала под общее правило, которое было предусмотрено ст. 168 ГК в первоначальной редакции: ее следовало считать ничтожной как не соответствующей требованиям закона. Данный вывод можно распространить на все сублицензии, которые были предоставлены до 01 октября 2013 г., и согласие лицензиара на предоставление которых ни до, ни после указанной даты получено не было.

С 01 октября 2013 года позиция законодателя по вопросу квалификации сделки, заключенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица, изменилась. В рамках реформы гражданского законодательства глава 9 ГК была дополнена, в частности, ст. 173.1 ГК, предусматривающей специальный состав недействительности сделки, заключенной при отсутствии необходимого в силу закона согласия третьего лица. Согласно нормам данной статьи такая сделка является оспоримой - она может быть признана судом недействительной по иску третьего лица при условии, что он докажет недобросовестность контрагента стороны, которая должна была получить согласие. Применительно к сублицензии это означает, что сублицензия, выданная без согласия лицензиара, может быть признана судом недействительной по иску лицензиара, если он докажет, что сублицензиат знал или должен был знать об отсутствии его согласия. Соответственно сублицензия, предоставленная без согласия лицензиара, будет действительной до тех пор, пока не вступит в законную силу судебное решение о признании ее недействительной.

Последовательное распространение данного общего правила на сублицензионные договоры приводит к следующим последствиям. Сублицензиат, получивший право использования от лицензиара при отсутствии согласия лицензиара, является лицом, правомерно использующим объект интеллектуальной собственности. К нему не могут быть применены ни меры ответственности, ни иные меры защиты

исключительного права, поскольку его действия по использованию объекта основываются на действительной сделке по предоставлению права использования, которой с точки зрения действующего регулирования достаточно для легитимации действий сублицензиата. Правообладатель (лицензиар) вправе привлечь сублицензиата к ответственности за бездоговорное использование объекта лицензионного договора лишь в случае эффективного оспаривания сделки по предоставлению сублицензии. При этом если лицензиару не удастся доказать недобросовестность сублицензиата, то сделка не будет признана недействительной, и, как следствие, в удовлетворении имущественных требований к сублицензиату (о взыскании компенсации, например) ему будет отказано.

Для того, чтобы у лицензиара была возможность противостоять действиям сублицензиатов, получивших сублицензию без его согласия, на наш взгляд, необходимо закрепление в нормах части четвертой ГК правила о ничтожности сублицензионного договора, заключенного при отсутствии согласия лицензиара. Закрепление правила о ничтожности сублицензии при отсутствии согласия лицензиара неизбежно отразится на правовом основании возникновения у сублицензиата права использования. Основанием правомерного использования объекта будет сложный юридический состав: двухсторонний договор о предоставлении лицензии и согласие третьего лица - лицензиара. Лишь при наличии обоих элементов состава право использования будет считаться предоставленным сублицензиату, а его действия по использованию объекта квалифицироваться как правомерные. При отсутствии согласия правообладателя на предоставление лицензии действия сублицензиата по использованию объекта будут неправомерны, в связи с чем правообладатель (лицензиар) будет вправе привлечь его к имущественной ответственности и воспользоваться иными способами защиты нарушенного исключительного права.

В заключении подведены итоги проведенного исследования.

Основные публикации по теме диссертационного исследования

Научные статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (ВАК):

1. Компенсация за нарушение исключительного права: проблемы определения размера ответственности / Иванов Н.В. // Закон. - 2017. - №10. - С. 135 – 144.

2. Защита прав лицензиара и исключительного лицензиата при неправомерном использовании объекта лицензионного договора / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2019. - №11. - С. 54 – 64.
3. Защита прав исключительного и неисключительного лицензиата / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2020. - №1. - С. 57 – 69.
4. Согласие лицензиара на предоставление сублицензии и последствия его отсутствия / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2020. - №10. - С. 50 – 61.
5. Правовая охрана части произведения / Иванов Н.В. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2021. - №1. - С. 99 - 113.
6. Расчетная компенсация за нарушение исключительного права в виде двукратной стоимости права использования / Иванов Н.В. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. - 2021. - №1 (31) - С. 80 – 95.
7. Компенсация за нарушение исключительного права в виде двукратной стоимости контрафакта: понятие и сфера применения. Часть 1 / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2021. - №10. - С. 14 – 21.
8. Компенсация за нарушение исключительного права в виде двукратной стоимости контрафакта: понятие и сфера применения. Часть 2 / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2021. - №11. - С. 29 – 37.
9. Определение размера компенсации за нарушение исключительного права в виде двукратной стоимости контрафакта / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2022. - №1. - С. 14 – 29.
10. Компенсация за нарушение исключительного права в виде двукратной стоимости контрафакта и убытки правообладателя / Иванов Н.В. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2022. - №3. - С. 71 – 84.
11. Ответственность за нарушение исключительного права при отсутствии вины / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2022. - №5. - С. 10 – 22.
12. Условия гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права. Часть I / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2022. - №6. - С. 13 – 22.
13. Условия гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права. Часть II / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2022. - №7. - С. 31 – 39.
14. Множественность нарушений исключительного права и правило об одной экономической цели / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2022. - №9. - С. 38 – 50.

15. Информационный посредник как субъект гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права. Часть I / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2023. - №2. - С. 34 – 42.
16. Информационный посредник как субъект гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права. Часть II / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2023. - №3. - С. 44 – 51.
17. Особенности ответственности информационного посредника за нарушение исключительного права / Иванов Н.В. // Закон. - 2023. - №5. - С. 37 – 52.
18. Возмещение убытков как способ защиты исключительного права / Иванов Н.В. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2024. - №2. - С. 162 – 180.
19. Коллективное управление авторскими и смежными правами: современное состояние и перспективы / Иванов Н.В. // Закон. - 2024. - №2. - С. 53 – 73.
20. Правовая природа компенсации за нарушение исключительного права / Иванов Н.В. // Закон. - 2024. - №9. - С. 129 - 145.
21. Ответственность за совместное нарушение исключительного права / Иванов Н.В. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2025. - №3. - С. 47 – 77.

Научные публикации, опубликованные в иных изданиях

1. Модели ответственности информационного посредника за нарушение интеллектуальных прав / Иванов Н.В. // Интеллектуальные права: вызовы XXI века / Науч. ред. Э.П.Гаврилов, С.В.Бутенко. – Томск: Томский государственный университет. - 2021. - С. 50 – 56.
2. Особенности защиты исключительного права, переданного в доверительное управление / Иванов Н.В. // Интеллектуальные права: вызовы XXI века / Под общ. ред. Э.П.Гаврилова, С.В.Бутенко, Д.В.Кожемякина, А.Ю.Копылова, А.А.Рукавишниковой. – Томск: Томский государственный университет. - 2022. - С. 175 – 183.
3. Множественность нарушений исключительного права и правило о единстве намерений. Часть I / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2022. - №11. - С. 10 – 20.
4. Множественность нарушений исключительного права и правило о единстве намерений. Часть II / Иванов Н.В. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2022. - №12. - С. 38 – 44.